

**ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**В. Н. Базылев, И. М. Басовец, Н. В. Данилевская,
Е. М. Крижановская, Н. В. Лукина, Е. С. Ляшенко,
Н. В. Макшанцева, Т. А. Милёхина, В. А. Мишланов,
К. В. Пермякова, Л. С. Тихомирова, А. С. Черноусова,
С. В. Шустова**

**РУССКИЙ ЯЗЫК
И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ
СОВРЕМЕННОГО МИРА**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В. Н. Базылев, И. М. Басовец, Н. В. Данилевская,
Е. М. Крижановская, Н. В. Лукина, Е. С. Ляшенко,
Н. В. Макшанцева, Т. А. Милёхина, В. А. Мишланов,
К. В. Пермякова, Л. С. Тихомирова, А. С. Черноусова, С. В. Шустова

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Монография

Пермь 2025

УДК 821.161.1

ББК 81.2Рус

Б179

Базылев В. Н.

- Б179 Русский язык и ценностные ориентиры современного мира. [Электронный ресурс] : монография / В. Н. Базылев, И. М. Басовец, Н. В. Данилевская, Е. М. Крижановская, Н. В. Лукина, Е. С. Ляшенко, Н. В. Макшанцева, Т. А. Милёхина, В. А. Мишланов, К. В. Пермякова, Л. С. Тихомирова, А. С. Черноусова, С. В. Шустова ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2025. – 1,97 Мб ; 102 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Russkij-yazyk-i-cennostnye-orientiry-sovremennoogo-mira.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-4288-5

Коллективная монография посвящена проблеме состояния русского языка и его месте в современном мире. В центре внимания исследователей разнообразные лингвистические аспекты – динамические процессы в русском языке и его место среди других языков мира, особенности функционирования русского языка в современном медиапространстве, специфика русского слова в разных языковых картинах мира, современная языковая личность и ее речевая практика. Книга адресована специалистам-филологам, преподавателям русского языка и литературы.

УДК 821.161.1
ББК 81.2Рус

*Печатается по решению кафедры русского языка и стилистики
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. кафедры германской филологии Российского государственного гуманитарного университета **В. М. Костева**;

канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка навигации и связи Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова **С. А. Стринюк**

© ПГНИУ, 2025

© Базылев В. Н., Басовец И. М., Данилевская Н. В.,
Крижановская Е. М., Лукина Н. В., Ляшенко Е. С.,
Макшанцева Н. В., Милёхина Т. А., Мишланов В. А.,
Пермякова К. В., Тихомирова Л. С., Черноусова А. С.,
Шустова С. В., 2025

ISBN 978-5-7944-4288-5

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Динамические процессы в русском языке и его место в современном мире.....	7
Изучение русского языка за рубежом: осознание новых тенденций <i>(В.Н. Базылев)</i>	7
О роли русского языка в современном мире (<i>С.В. Шустова</i>).....	14
О ценностях языковых и коммуникативных (<i>В.А. Мишланов</i>).....	21
Русский язык в современном медиапространстве.....	27
Синтаксические ресурсы языка политики в динамическом аспекте (на материале газетных текстов) (<i>Н.В. Данилевская</i>).....	27
Интернет-тексты телеграм-канала Г.А. Зюганова о памятных датах: особенности содержания, композиции и языкового оформления (<i>Е.М. Крижановская</i>).....	36
Стилистические особенности российского дискурса пропаганды (на материале интернет-выступлений А.Г. Артамонова) (<i>Т.А. Милёхина</i>).....	43
Реализация эмоционального синтаксиса в современных политических речах (<i>Л.С. Тихомирова, А.С. Черноусова, К.В. Пермякова</i>).....	49
Русское слово в разных языковых картинах мира.....	66
Языковые идеологические сигналы в англоязычных медиатекстах (<i>И.М. Басовец</i>).....	66
Трансформация в репрезентации ситуации «изменение» в зависимости от разновидности языковой картины мира (<i>Е.С. Ляшенко</i>).....	71
Современная языковая личность и ее речевая практика.....	76
Формирование языковой картины мира учащихся в контексте духовных ценностей (<i>Н.В. Макшанцева</i>).....	76
Анализ художественного текста на уроках РКИ в аспекте ценностных ориентиров современности (из опыта работы с китайской аудиторией) (<i>Н.В. Лукина</i>).....	83
Литература.....	90
Словари.....	97
Список электронных источников (перечень по главам).....	98
Сведения об авторах.....	101

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развивающиеся в настоящее время в русском языке динамические процессы привлекают внимание многих лингвистов и являются значимым поводом для рефлексии над современным состоянием русского языка и перспективами его развития. Специалистам важно понимать место русского языка в мировом культурном пространстве, в культурной памяти носителей русского языка и в сознании современной языковой личности. На Международной научной конференции «Русский язык и ценностные ориентиры современного мира», прошедшей в Пермском государственном национальном исследовательском университете в феврале 2025 г., были представлены доклады, отразившие разные аспекты лингвистического исследования русского языка.

Коллективная монография «Русский язык и ценностные ориентиры современного мира» представляет наиболее значимые результаты исследований, которые были объектом научных дискуссий на конференции.

Монография состоит из четырех разделов. Первый раздел книги включает работы, посвященные осмыслению места русского языка в современном мире и тем изменениям, которые развиваются сегодня в структурной и коммуникативной системах языка. С.В. Шустова анализирует роль русского языка в международном пространстве и приходит к некоторым неожиданным выводам: русский язык занимает второе место по популярности в интернете, преподается в 100 странах и является средством этнокультурной самоидентификации среди соотечественников, проживающих за рубежом.

Смена вектора от русского языка как иностранного к русскому языку как международному и профессиональному становится объектом размышлений В.Н. Базылева. Ученый анализирует также новые тенденции в методике обучения русскому языку за рубежом, учитывая при этом новые тренды в учебном планировании, в дидактическом сопровождении образовательного процесса, в использовании цифровых технологий и ресурсов на русском языке.

Ценностям языковым и коммуникативным посвящен раздел, написанный В.А. Мишлановым. Автор, с одной стороны, рассматривает историю взаимодействия русского языка с иноязычной стихией в прошлые столетия его развития и, с другой – в условиях глобализованной на базе английского языка информационной среде сегодня.

Второй раздел монографии затрагивает вопросы специфики функционирования русского языка в современных медиа, причем с акцентом на политической коммуникации. Так, Т.А. Милёхина анализирует стилистические

особенности российского дискурса пропаганды на материале интернет-выступлений военного эксперта А.Г. Артамонова, в речи которого обнаруживаются высокий уровень речевой культуры, владение стилистическими ресурсами русского литературного языка, использование прецедентных текстов, диалогичность, доверительность общения, речевая рефлексия, фактологическая точность, жесткость политической позиции и др.

Обращение Е.М. Крижановской к текстам о памятных датах в телеграм-канале Г.А. Зюганова показало, что политик умело пользуется разнообразными средствами идеологического воздействия, задачу которого решают в его текстах и элементы содержания, и компоненты композиционной структуры и способы языкового оформления.

Н.В. Данилевская показывает динамику синтаксической экспрессии в текстах «Российской газеты», сопоставляя два разных периода – до начала Специальной военной операции и во время нее. Автор приходит к выводу о кратном увеличении средств синтаксической выразительности в газетном языке последнего времени.

Эта же проблема рассматривается на материале интернет-текстов современных политических лидеров в работе Л.С. Тихомировой, А.С. Черноусовой, К.В. Пермяковой. Группе исследователей удалось доказать высокую роль синтаксической выразительности в формировании и выражении деталей психологического состояния субъекта политической речи.

Третий раздел монографии посвящен изучению особенностей функционирования слова в разных языках. И.М. Басовец, обращаясь к поиску языковых сигналов идеологической стороны современного англоязычного медиатекста, обнаруживает, что в качестве таких сигналов выступают некоторые специфические оценочные единицы, конструкции авторизации и деавторизации, цитация в разных формах. В материале Е.С. Ляшенко анализируются способы презентации ситуации «изменение» в зависимости от разновидности языковой картины мира. Ученый приходит к выводу о наличии расхождений в способах представления явлений окружающего мира в зависимости от того типа знания, которое воплощается в тексте.

Последний раздел монографии включает работы, авторы которых размышляют над проблемами методического характера. Н.В. Макшанцева, например, рассматривает задачу формирования языковой картины мира учащихся посредством изучения ими таких ключевых концептов русской культуры, как *духовность* и *соборность*. Автор утверждает, что приобщение учащихся к духовным ценностям происходит через системы базовых концептов. Не менее важный методический вопрос анализируется в работе Н.В. Лукиной, посвященной обоснованию важности чтения и изучения

аутентичного художественного текста на уроках РКИ. По мнению автора, при изучении иностранцами русского языка чтение именно таких текстов помогает создать реальные представления о России, ее культуре, нравственных идеалах и ценностях русских людей, помогает формировать потребность в самостоятельном чтении произведений русских писателей.

Авторы коллективной монографии надеются, что, несмотря на многообразие поднятых в ней проблем, объединяющей окажется мысль о том, что русский язык, активно меняясь и в чем-то перестраиваясь, остается центром научного интереса филологов и одним из самых интересных объектов лингвистической рефлексии.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Изучение русского языка за рубежом: осознание новых тенденций

Введение

За те тридцать с лишним лет, которые прошли с момента последнего глобального преобразования языковой ситуации в мире в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, сложилась принципиально новая геополитическая модель мира, в том числе языковая. Тем самым, методика преподавания русского языка вне страны требует пересмотра основ языковой политики России, и, соответственно, иных педагогических моделей.

Изучение русского языка за рубежом: осознание новых тенденций

Тенденция 1. От русского языка как иностранного к русскому языку как международному. Мы входим сегодня постепенно в новую методическую парадигму. Смена парадигмы в языковом образовании – от изучения РЯ как РКИ к РЯ как РКМ.

Пока у нас во внутренней языковой образовательной политике существуют несколько подходов к изучению русского языка [Щукин, Азимов 2010: 29; Громова, Кудрявцева 2013: 27–40]. Методически внутри страны мы различаем преподавание русского языка как родного, как неродного, русского языка как другого неродного и русского языка как иностранного. В то же время в других странах наблюдается явная тенденция к методической переориентации к изучению РЯ как международного языка. И это не простая игра слов, а концептуальное смещение понятий и изменение лингводидактической парадигмы.

Сегодня неправомерно смешивать понятия – РКИ и РКМ. Неправомерно потому, что у РКМ иной статус и другие функции. РЯ – это второй официальный язык во многих государствах, поддерживаемый институтами государства и играющий заметную роль в образовании.

На первый план выходят принципы функциональности, прагматической приемлемости и уместности, знание которых дает знакомство с культурами и с принципами межкультурной коммуникации

Ориентируясь на обучение РЯ не как РКИ, а как РКМ, целью обучения становится осознание студентами вариативного потенциала РЯ, различие культур, носители которых говорят по-русски, прагматическую уместность выбираемой формы языка, возможные стратегии и тактики выработки совместного значения в межкультурной коммуникации.

Отличие, в первую очередь, – в целях и фокусе обучения. Цель обучения РКМ – приближение к речи носителей языка, принятие их культурных ценностей, доминирование нормативных тенденций, составляющих фокус обучения.

Новая цель и фокус обучения требуют новых материалов, в качестве которых выступают учебные пособия, интернет-источники, в том числе онлайновая публицистика, научная литература, лексикографические источники, художественная литература.

Тенденция 2. От русского языка как иностранного – к русскому языку как профессиональному. Эпоха, в которой мы живем, – это эпоха стойкого противоречия между глобализмом и стремлением к выражению локальной идентичности. Она порождает новые переходные, лиминальные явления, представляющие собой своеобразный компромисс в данном противоречии.

Примерами такого явления стали транслингвизм и транскультурность, Транскультурность предполагает одновременное существование индивида в роли сразу нескольких идентичностей в разных культурах, с сохранением отпечатков каждой из них. Речь идет именно о профессиональной подготовке – преподавателей и переводчиков. Транслингвальный подход в исследовании языка и в лингводидактике делает акцент не на языке как систему, а на языке как практику, т.е. деятельность. Транслингвы способны успешно использовать языки, находящиеся в их билингвальном репертуаре, порою нарушая нормы, лавируя между ними и приспосабливая языковые коды к своим целям и специфичным контекстам.

В университетской практике это находит отражение в: актуальных тенденциях при подготовке переводчиков (университетский уровень); подготовке преподавателей (университетский уровень); в преподавании РЯ в специальных целях (профессионально-технический уровень; в том числе на подготовительном уровне); в курсовой системе обучения РЯ; в школьной системе обучения (уровень СОШ с подуровнями: начальная, средняя, старшая школа; в т.ч. профильные гуманитарные гимназии с углубленным изучением русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья) [Базылев 2021].

Новое в методике обучения русскому языку за рубежом: учет новых тенденций в университете образовании, новое в учебном планировании, новое в методике

Учет новых тенденций в университете образовании предполагает, что мы по-новому относимся и учитываем те тенденции, которые являются приоритетными в конкретной среде обучения. Именно: различную мотивацию учащихся за пределами России; методические стратегии, связанные с когнитивными стратегиями обучающихся, используемые в иноязычной среде;

отсутствие стандартизированности знаний, получаемых учащимися в неязыковой среде; иное соотношение аспектов языка и видов речевой деятельности при обучении русскому языку; учет родного языка учащихся в процессе обучения; учет своеобразия (лингвокультурного) мнонациональных групп, что требует учета учебного культурно-языкового опыта учащихся; а также особенностей образовательного пространства конкретной страны и имеющихся исторических общепедагогических традиций.

Сегодня акцент делается на следующих компонентах консолидированного корпуса знаний [Базылев 2021 б; Базылев 2021 в]: на коммуникативно-обучающем (способность реализовывать практическую цель обучения и приобретение знаний о системе русского языка как иностранного: коммуникативное, речевое и языковое содержание предмета обучения; на информационно-ретрансляционном (способность воспринимать, отбирать, преобразовывать и передавать информацию, предназначенную для учащихся); на мотивационно-стимулирующем (способность ориентироваться на учащегося как активного субъекта учебного процесса в результате выполнения собственных ситуативно обусловленных действий); на инструментально-адаптирующем (способность использовать адекватные средства обучения); на функции самореализации и саморазвития (способность осознавать себя, свою деятельность в учебном процессе, регулировать и объективно оценивать свои профессиональные действия, способность к профессиональному самообразованию и самовоспитанию).

Одна из задач, стоящих перед преподавателями РЯ, которые работают вне России, – создание и внедрение системы типовых стандартов описания РЯ для разных этапов и уровней обучений в практику преподавания. Кроме того, следует также реализовать систему сертификационного тестирования – независимого стандартизированного контроля, предназначенного для выявления уровня сформированности коммуникативной компетентности.

В аспекте учебного планирования, на наш взгляд, необходима разработка новых учебных планов, в которых реализуется вариативное, индивидуально-ориентированное обучение русскому языку в зависимости от родного языка (речь идет ведь о конкретной форме билингвизма или о формировании вторичной языковой личности) и от профессиональной компетенции преподавателя и переводчика. При этом разработчики учебных планов обязательно должны учитывать особенности национальной системы образования.

Национально-ориентированное планирование образовательного процесса должно разрабатываться на следующих основаниях: на учете функции языковых средств, коммуникативной компетенции, коммуникативных целях и

задачах; на методических приемах и способах, которые обеспечивают успешное формирование коммуникативной компетенции (методический аспект); на традициях образования, национальных стереотипах, когнитивных стратегиях, а также на взаимоотношении и взаимовлиянии родной и изучаемой культур (национально-культурный аспект).

Перед современной методикой преподавания русского языка как иностранного стоят новые задачи, обусловленные изменениями содержания, целей и условий обучения русскому языку в неязыковой среде. Повышение качества коммуникативной компетентности возможно благодаря применению новых обучающих технологий, обеспечивающих вариативность обучения, приближающих обучение к индивидуальным особенностям учащихся и создающих новые стимулы для успешного изучения русского языка.

В методике преподавания РКМ формируются новые методические концепции, разрабатываются новые подходы к построению моделей восприятия и понимания иноязычных сообщений, выявляются и описываются речевые тактики коммуникантов, уточняются психологическая и лингвистическая специфика общения на неродном языке, определяется роль национально обусловленных особенностей в овладении языком, сопоставляются культуры и системы контактирующих языков в лингводидактических целях. Это позволяет определить новые направления для использования коммуникативных технологий.

Как показывает анализ существующих методических работ, обучающие технологии зачастую рассматриваются в узко прагматическом аспекте (обучение орографии, грамматике, лексике, развитие речи и др.). Однако современные технологии должны учитывать индивидуальные потребности и интересы учащихся, различные стратегии усвоения языка, дифференцировать способы предъявления учебного материала, предлагать индивидуальные формы работы, использовать широкий спектр стимулов для вовлечения учащихся в иноязычную речевую деятельность.

Методики, используемые в практике преподавания, должны соответствовать всем обязательным требованиям, вытекающим из специфики учебной дисциплины «иностранный язык», а именно: состоять из подсистем, учитывающих главных субъектов педагогического процесса – преподавателя и обучающегося, а также содержание и цели обучения; создавать условия для овладения средствами языка и осуществления коммуникации на РЯ; выполнять мотивационные, обучающие и контролирующие функции; создавать многомерные стимулы для обеспечения иноязычной учебной (коммуникативной и познавательной) деятельности.

Все, что связано с методикой обучения иностранным языкам, как известно, не протекает изолировано от постоянного приращения знания в смежных с методикой гуманитарных науках – лингвистике, психологии, коммуникативистике, теории информации. Наличие в каждом методе обучения иностранным языкам ведущей идеи, определяющей пути и наиболее эффективные способы достижения поставленной цели, составляет характерную особенность метода обучения русскому языку. Учет междисциплинарных достижений охватывает: актуальность переописания русского языка в учебных целях [Базылев 2020; Базылев 2019 б]; переориентация на методологические основы неопсихолингвистики, для которой по сравнению с психолингвистикой конца прошлого века на первый план выступает перенос акцента на категорию человека в диаде «индивиду – языковое сознание этноса»; внимание к культурно-маркированным феноменам лингвокогнитивной природы; совместное изучение культурных смыслов, заключенных в знаках культуры, и реальной интерпретации культурного знака [Базылев 2021: 75–76]; феномена билингвизма в контексте теории языковых союзов и интерлингвистики [Базылев 2019 а]; а также этнопсихолингвистики, т.е. учет особенностей менталитета того или иного этноса, под которым понимается «картина мира» в ее социальных и когнитивных аспектах.

Новое в дидактическом сопровождении образовательного процесса: учебники и учебные пособия – проблема учебника, цифровые технологии и ресурсы – проблема системности

Современный учебник РКИ структурирует подачу иноязычных знаний, организует процесс поэтапного формирования речевых навыков и умений во всех видах речевой деятельности. В учебнике РКИ, прежде всего, реализуется информационная функция. Отобранные и эффективные задания и упражнения (на психологической основе усвоения) управляют процессом структурирования знаний, необходимых для языковой компетенции учащихся, приобретения речевых умений и навыков.

Сформулированные выше тезисы основаны на тех разработках, которые своими корнями уходят в лучшие традиции отечественной методической школы.

«Назначение учебника служить не застывшей логической схемой готовых знаний, подлежащих передаче, не хранилищем иноязычного материала, предназначенного для усвоения вообще, а развернутой программой учебной работы... направленной на овладение иноязычной практической (коммуникативной) деятельностью...» [Бим 2017: 166].

В начале нулевых ведущим методистом в области РКИ, А.Н. Щукиным [Щукин 2010], было сформулировано следующее положение: «В учебнике как в

«основном средстве обучения содержатся образцы устной и письменной речи, языковой материал, отобранный и организованный с учетом его функциональной нагрузки в разных формах общения и видах речевой деятельности, а также с учетом положительного опыта учащихся в родном языке и предупреждения интерференции» [Щукин, Азимов 2010: 383].

Действительно, первая четверть нового века – это освоение электронной образовательной среды, популярность инновационных технологий в методике преподавания РЯ, разработка теории смешанного обучения, появление электронного учебника.

Однако при всем разнообразии учебников пока не преодолены основные дидактические проблемы, которые, на наш взгляд, связаны со следующими факторами. Авторы учебников, владея общей методикой преподавания иностранных языков (и ее базисных наук), по-своему структурируют учебный материал. К сожалению, сегодня нет единого мнения о том, «существуют ли специфические проблемы учебника или учебник является реализацией методической системы его составителей. В таком случае «теорий» учебника будет столько же, сколько и авторов» или учебнику «должны быть присущи собственные характеристики, независимые от методических систем различных авторов» [Бим 2017: 151].

С одной стороны, теория создания учебника РЯ связана с современными теоретическими вопросами методики преподавания иностранных языков и смежных с ней наук (лингвистикой, педагогикой, психологией и др.). С другой стороны, талантливые авторы создают свои учебники и учебные пособия, нарушая привычные дидактические требования. Если проанализировать имеющиеся учебные материалы, то можно констатировать следующее: авторы зачастую не были привязаны ни к одной теории овладения языком, ни к одному методу обучения. Они эклектично и прагматично (позитивистски) отбирают те фрагменты, которые кажутся им (вне строгой рациональности научного подхода) подходящими для реализации их целей, отбрасывая все то, что не служит, как им представляется, выполнению поставленных целей. Актуальным остается вопрос: что должно быть общим (неизменным) для всех авторов учебников, а что может быть переменным (вариативным)? Недостатком является также отсутствие преемственности учебников и учебных пособий для разных уровней обучения, а также общей концепции для серии учебников РКИ.

С нашей точки зрения, выходом в новый формат дидактического обеспечения преподавания РКМ может стать концепция навигатора курса [Базылев 2022: 374]. Помимо этого, современные дидактические электронные ресурсы должны отвечать следующим критериям: методическая целесообразность использования в учебном процессе; привлекаемые ресурсы

не могут быть эпизодическим дидактическим инструментом, а должны быть составной частью образовательного комплекта; качественное содержание каждого компонента, который должен носить универсальный, а не уникальный характер; соответствие заявленному уровню; гибкость траектории обучения, которая предполагает индивидуальный подход, то есть учет индивидуально-возрастных, психофизиологических и национальных особенностей обучающихся; наличие тьюторской поддержки.

На сегодняшний день с общетеоретических позиций методики преподавания РЯ следует констатировать следующие недостатки в использовании новых технологий: бессистемное использование ресурсов; практическая несводимость ресурсов по ряду характеристик: по теоретической и практической значимости, уровню предоставленной информации, полноте и глубине ее описания и доступности; отсутствие стандартов, которые определяли бы способы предоставления текстовой и аудиовизуальной информации.

Разумеется, следует говорить и об имеющихся достоинствах, таких как: возможности приобщения к культуре страны изучаемого языка в актуальном формате (а не исторической ретроспективе); общение с носителями языка; самостоятельное изучение языка; повышение мотивации обучения языку; поддержка устойчивого интереса к занятиям русским языком.

Следует понимать возможности и границы (пределы) дидактического использования новых информационных технологий. Их значимость заключается в их мультимедийности, т.е. способности компьютера симулировать все виды языковой и речевой деятельности, и интерактивности, т.е. способности компьютера вести диалог с пользователем.

При всем том преподаватель РЯ должен осознавать, что цифровые технологии – это не самоцель, это лишь один из инструментов обучения, может быть, в чем-то эффективный, но не самый надежный. Самым надежным инструментом обучения продолжает оставаться слово преподавателя.

Заключение. Собирая PUZZLE

Отечественное профессиональное сообщество преподавателей русского языка стоит сегодня перед необходимостью решить вопрос об интеграции реальной и виртуальной сред обучения. В конечном счете, все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы открыть новые лингводидактические возможности для заинтересованного изучения русского языка в новой геополитической реальности.

О роли русского языка в современном мире

Язык является одним из важнейших компонентов человеческой культуры, представления о нем имеет каждый человек. Каждому народу, вступающему в интенсивные контакты с другими народами, бывает необходимо осмыслить свою специфику, свое отличие от окружающих. Это касается и языка [Алпатов 2016; Сычева, Алпатов 2021; Alpatov 2020]. При этом, «сталкиваясь с проблемой разнообразия человеческих языков, наивное сознание реагирует прежде всего своеобразным протестом, принимая факт своего родного языка за единственно нормальный, естественный, а «формы чужого языка как нечто странное, нелепое, нечеловеческое» [Шор 2019].

На это накладываются политические, экономические, общекультурные факторы. Чужой язык может обладать большим или меньшим престижем по сравнению сродным. Поэтому те или иные явления языка могут получать ту или иную положительную или отрицательную оценку. Особенности своего или чужого языка могут преувеличиваться или преуменьшаться. Хорошо известны слова М.В. Ломоносова о «великом перед всеми в Европе» русском языке. Они были сказаны в годы, когда Россия впервые заняла видное место среди европейских держав. В.В. Виноградов писал: «Величие и роль русского языка общепризнаны. Это признание глубоко вошло в сознание всех народов, всего человечества». Мысль о превосходстве русского языка перед западноевропейскими не только последовательно развивалась крупнейшими русскими писателями с XVIII в., но и разделялась передовыми представителями народов Западной Европы [Виноградов 1945]. Обратите внимание, это написано в 1945 году. В год победы над фашистской Германией.

В близкое нам время такие оценки нередко менялись на противоположные. Вот что писали в 1991 г.: «Сейчас время поддерживать национальные движения, отбросив потенциальный тезис о якобы превосходящей другие народы русской культуре» (Век XXI и мир. 1991, № 12).

В настоящее время объективным фактом является международная роль английского языка, его рост проистекает из возросшего мирового значения США. С одной стороны, с помощью английского языка растет взаимопонимание между народами, в то же время для многих людей сокращение функций других языков вызывает недовольство. Но особенности английского языка легко абсолютизируются, и его международная роль приписывается не только политике США, но и каким-то его собственно языковым особенностям. Однако не существует критериев, позволяющих ранжировать язык по данным качествам (Независимая газета, 2013, № 4).

Не следует забывать, что английский язык, будучи одним из самых мощных языков современности, включившись в процесс глобализации, подвергается

стремительным динамическим процессам. Особенно очевидным этот процесс стал в конце XX века. Научная рецепция сложности и стремительности динамических процессов вызвала к жизни целый ряд концепций, основными из которых являются следующие: концепция вариативности английского языка (World Englishes); концепция английского языка как международного языка (English as an International English); концепция языка-посредника, или лингва франка (English as a Lingua Franca); концепция упрощенного английского языка, типа глобиши, так называемая *коммерциализированная бизнес-идея* [Прошина 2018].

Сергей Дмитриевич Бакейкин (исполнительный директор межрегионального центра библиотечного сотрудничества; заместитель председателя российского комитета программы ЮНЕСКО «Информация для всех») 19 декабря 2024 года на заседании дискуссионно-аналитического клуба Института языкоznания РАН назвал борьбу за языки «мировой войной за языки» (Бакейкин С.Д.: Список электронных источников). Особенno значимой ролью русского языка была в период холодной войны, когда шла борьба двух моделей жизнеустройства, связанных с английским и русским языками. По словам В.М. Алпатова, мировая роль русского языка в то время имела три слагаемых «язык Ленина», «язык Гагарина», «язык Достоевского».

Для исследования был реализован свободный ассоциативный эксперимент, мы предложили информантам написать свои ассоциации на словосочетания *английский язык* и *русский язык*. В эксперименте приняли участие 32 человека. Общее количество реакций на стимул *английский язык* – 211, *русский язык* – 125. Данный эксперимент будем рассматривать как пилотный. Представляем результаты на стимул «Английский язык». Выделяются следующие группы ассоциатов (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1

Ассоциаты на слово-стимул *английский язык*

Образование	35	16,5
Коммуникация	28	13,6
Культура	25	11,8
Страна, город	20	9,4
Прогресс	20	9,4
Оценка	18	8,5
Глобализация	17	7,9
Статус	13	6,11
Путешествие	9	4,23
Развлечения	4	1,88
Человек	2	0,94
Символ	1	0,47
Распространение	1	0,47
Цвет	1	0,47
Фразеологизмы на англ. языке	17	7,99
	211	100%

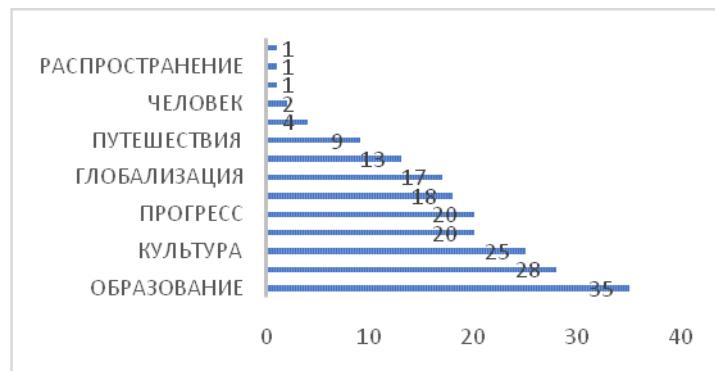

Рис. 1. Гистограмма семантических модулей
(слово-стимул *английский язык*)

На стимул «Русский язык» реакции распределены следующим образом (см. табл. 2, рис. 2).

Таблица 2

Ассоциаты на слово-стимул *русский язык*

ОЦЕНКА	63	50,4
КУЛЬТУРА	18	14,4
РОДИНА	15	12,0
НАРОД	10	8,0
ОБРАЗОВАНИЕ	9	7,2
КОММУНИКАЦИЯ	2	1,6
СТАТУС	2	1,6
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ	6	4,8
	125	100%

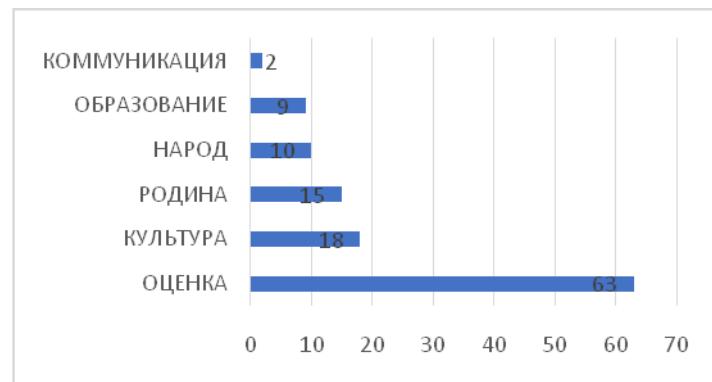

Рис. 2. Гистограмма семантических модулей
(слово-стимул *русский язык*)

Английский язык ассоциируется с образованием, коммуникацией, глобализацией, прогрессом, культурой; русский язык – с Родиной, культурой, народом, образованием. Оценка присутствует и в том, и в другом случае. Восприятие примерно одинаковое. Однако ассоциаты группы РОДИНА и НАРОД отсутствуют в отношении английского языка. Английский язык примерно в 41 % случаев ассоциируется с поступательным движением вперед, с глобальным, всемирно-историческим процессом – глобализация, прогресс, статус, коммуникация. В восприятии русского языка доминирует ОЦЕНКА –

50% случаев. Мы обращаем внимание на ассоциаты, связанные с Родиной. Они получены только на стимул «Русский язык».

В прошлом году было проведено пилотное исследование концепта Fatherland, информантами выступили носители английского из Великобритании, Испании, Турции, США. Всего 10 человек. Но тем не менее, ассоциативно-вербальное поле концепта FATHERLAND демонстрирует иную языковую картину мира. Для носителей английского языка данный концепт является архаичным. Наиболее частые ассоциации, которые концепт FATHERLAND вызывает у носителей английского языка, связаны с прошлым их страны и историческими событиями. Наиболее ярким событием в памяти англоговорящего населения является Вторая мировая война, поскольку в лозунгах национал-социалистической партии Германии чаще всего использовалось именно слово *fatherland*. Однако этот негативный аспект не делает данный концепт неприемлемым в речи. Напротив, у некоторых носителей английского языка данный концепт представляет собой память о прошлом и истории страны, а также дом и семью. Но в речи носителей языка лексема *fatherland* встречается крайне редко, вместо нее используется лексема *country*. Анализ актуализации концепта FATHERLAND в корпусах английского языка (BNC и COCA) показал, что большинство контекстов принадлежит не носителям языка, а иностранцам, для которых английский является вторым языком [Коркина, Шустова 2023].

Русский язык находится на четвертом месте среди языков, с которых чаще всего переводят книги на другие языки, и на седьмом месте среди языков, на которые переводится большинство книг. По данным компании Яндекс, русский язык является вторым по популярности языком в интернете. Среди 1 млн самых популярных сайтов, на которые ежедневно заходят 99,9% всех пользователей, половина представлена на английском языке, а на втором месте находятся сайты на русском языке. При этом доля сайтов на русском языке с каждым годом растет. Русский язык является государственным языком Российской Федерации – федеральный закон № 53 от 2005 г. По данным переписи 2010 года в России русским языком владеют 138 млн (99, 4%). Русский язык имеет законодательно закрепленный официальный статус: государственный язык в Белоруссии (референдум 1995), официальный язык Казахстана (Конституция 1995), официальный язык Киргизии (Конституция в редакции 2007 г.). В Киргизии и Молдавии русский язык является языком межнационального общения, также как в Азербайджане, Таджикистане (конституция 1994 г.), Туркменистане (Закон о языке 1990 г, Конституция 1992). В Армении, Грузии, Литве (Закон о ратификации Европейской Хартии 2003 г.). В Узбекистане, Эстонии русский язык признается языком национального меньшинства. В Латвии – иностранным языком.

Русский язык выполняет функцию официального языка Содружества независимых государств в соответствии с законом «О языках» от 4 декабря 2004 г. Русский язык конституционно признан официальным языком в Республике Абхазия, Южной Осетии. Однако его использование законодательно ограничено в некоторых сферах (например, судопроизводство, делопроизводство, деятельность предприятий, организация, на заседаниях, в печатной продукции). Русский язык обладает официальными функциями в Румынии. В административных единицах Румынии, где старообрядцы-липоване составляют более 20% населения, русский язык используется в муниципальных учреждениях (Закон № 215/2001, утвержденный Парламентом № 1206 от 27 ноября 2001 года). Это коммуны: Гиндерешть – 94,98%, Мушеница – 21,60%, Слава Черкеза – 81,61%, Журиновка – 44,94%, К.А. Росетти – 31,21%, Кришан – 24,61%.

Русский язык является одним из наиболее распространенных языков в мире, языком международного общения, государственным языком Российской Федерации, языком межнационального общения, важным инструментом взаимодействия на пространстве бывшего СССР, средством этнокультурной и языковой самоидентификации соотечественников, проживающих за рубежом. Русский язык преподается в 100 государствах мира, хотя число изучающих русский язык уменьшилось.

По словам С.Д. Бакейкина, 40 лет назад почти 90% жителей Вьетнама изучали русский язык. В сегодняшнем Вьетнаме 99% школьников и студентов изучают английский язык как первый иностранный язык. Доля всех остальных языков мира составляет 1%, доля русского языка – менее 0,03% (Бакейкин С.Д.: Список электронных источников).

В начале 1990-х годов число изучавших русский язык составляло 74 млн человек. К 2004 году сократилось до 51 млн, в 2018 сократилось до 38 млн человек. В связи с этим актуальна задача расширения пространства русского языка. Например, в Израиле производители и импортеры лекарств имеют в упаковке развернутую информацию о препарате на русском и арабском языках. В США в 23 штатах из 50 можно сдавать письменный экзамен для получения водительского удостоверения на русском языке.

В Таджикистане, в Таджикском национальном университете, существует Русский центр, созданный под эгидой фонда Русский мир. В центре на регулярной основе проводятся вот уже на протяжении многих лет мероприятия по укреплению статуса русского языка, распространению русской культуры. Возглавляет центр доктор филологических наук, профессор Нагзебекова Мехриниссо Бозоровна. В 2024 г. Пермский университет заключил договор о сотрудничестве с Таджикским национальным университетом.

Русский язык является официальным или рабочим языком в ряде организаций мира. Например, Содружество независимых государств,

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организация Объединенных наций, Международное агентство по атомной энергии, Международная организация гражданской авиации, ЮНЕСКО, ВОЗ, Всемирная организация интеллектуальной собственности, Всемирная метеорологическая организация, Организация Договора о коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества, Секретариат Договора об Антарктиде и многие другие. Функционирует русскоязычная версия официального сайта НАТО.

Говоря о роли русского языка в современном мире, хотелось бы привести пример опыта такого сотрудничества и продвижения русского языка за пределами нашей страны, например, в Исламской Республике Иран. В 2012 году под эгидой Министерства науки, исследований и технологий Ирана в категории «фундаментальные науки» была создана Иранская ассоциация русского языка и литературы. Ассоциация была создана в целях распространения и развития научного изучения русского языка и литературы, повышения уровня специалистов, а также оптимизации образовательных и исследовательских процессов в области русского языка и литературы. Ассоциация представляет собой некоммерческое учреждение, осуществляющее свою деятельность в рамках научных исследований и научно-технической работы. Руководителями ассоциации являются Джанолах-Карими Мотаххари Марзие Яхъяпур, профессора Тегеранского университета. Существует научный журнал «Исследовательский журнал русского языка и литературы», зарегистрированный в РИНЦ (Исследовательский журнал русского языка и литературы: Список электронных источников).

Журнал издается с 2013 года. Всего в настоящее время размещено 25 выпусков журнала. Статьи публикуются на русском языке. В редакционный совет входят исследователи из Хорватии, Великобритании, Грузии, Венгрии, Таджикистана, Польши, Болгарии, Японии, Италии, Франции и России. Ассоциацией было организовано и проведено четыре международных форума «Русский язык и литература в современном мире: проблемы и перспективы». Джанолахом Карими-Мотахаром и Марзие Яхъяпур переведены с русского на персидский следующие произведения русских поэтов и писателей. Например, «Вишнёвый сад», А.П. Чехов, 2004, Тегеран, Иран, Изд-во «Элм-о-Адаб». Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour), Джанолах Карими-Мотаххар (Janolah Karimi-Motahhar); «Люди и страсти», М. Лермонтов, 2006, Тегеран, Иран, Изд-во «Гатрех». Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour), Джанолах Карими-Мотаххар (Janolah Karimi-Motahhar), Фарангис Ашрафи; «Соловьи» (стихотворения 1886–1899 гг.), И. Бунин, 2016, Тегеран, Иран, Изд-во «Джахадданешгахи Тегеран». Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour), Джанолах Карими-Мотаххар (Janolah Karimi-Motahhar); «Листопад» (стихотворения 1900–1902 гг.), И. Бунин, 2018, Тегеран, Иран, Изд-во «Университет им. Алламе

Табатабаи»; Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour); «Окайные дни», И. Бунин (к 150-летию со дня рождения Ивана Бунина), 2021, Тегеран, Иран, Изд-во «Тегеранский университет». Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour), Сара Махбобзадх; «О Чехове» И. Бунин, 2023, Тегеран, Иран, Изд-во «Тегеранский университет». Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour); «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, 2024, 1-ое изд., Тегеран: Изд-во Тегеранского университета. Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour). Джанолах Карими-Мотаххар (Janolah Karimi-Motahhar); «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, 2024, 2-е изд., Тегеран: Изд-во Тегеранского университета, Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour). Джанолах Карими-Мотаххар (Janolah Karimi-Motahhar); «Чудик» и другие рассказы В. Шукшина, Тегеран, Иран, 2013, Изд-во «Джахадданешгахи Тегеран», Джанолах Карими-Мотаххар (Janolah Karimi-Motahhar), Махназ Дареми (Makhnaz Daremi); «Пути чеховских героев», Э.А. Погоцкая, Тегеран, Иран, 2015, Изд-во «Джахадданешгахи Тегеран», Джанолах Карими-Мотаххар (Janolah Karimi-Motahhar), Можган Фарази Касмаи (Mozhgan Farazi Kasmai); «Бытие к бессмертию: книга о Льве Толстом», В.Я Линков, 2021, Тегеран, Иран, Изд-во «Тегеранский университет». Джанолах Карими-Мотаххар (Janolah Karimi-Motahhar), Мехрнуш Шаабани (Mehrнush Shaabani); «Горе от ума», А.С. Грибоедов, перев. С. Салими, 2025, Тегеран: Салес.

Реализован проект по переводу русских поэтов: Иван Бунин и мир Востока, 1-е изд. 2007, 2-е 2015, 3-е 2017, 4-е 2020, Тегеран, Иран, Изд-во «Тегеранский университет». Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour); Михаил Лермонтов и мир Востока, 2011, Тегеран, Иран, 1-е изд. 2011, 2-е 2017, Изд-во «Пажухешгах улум енсани ва моталеат фарханги». Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour), Зейнаб Садеги-Сахлабад; Александр Пушкин и мир Востока, 2012, Тегеран, Иран, 1-е изд. 2012, 2-е изд. 2017, Изд-во «Пажухешгах улум енсани ва моталеат фарханги». Джанолах Карими-Мотаххар (Janolah Karimi-Motahhar), Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour); Николай Гумилёв и мир Востока, 2013, Тегеран, Иран, 1-ое изд. 2013, Изд-во «Пажухешгах улум енсани ва моталеат фарханги и Иранская Ассоциация русского языка и литературы». Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour), Зейнаб Садеги-Сахлабад, Джанолах Карими-Мотаххар (Janolah Karimi-Motahhar); Анна Ахматова и мир Востока, 2014, Тегеран, Иран, 1-е изд. 2014, 2-е 2017, Изд-во «Пажухешгах улум енсани ва моталеат фарханги и Иранская Ассоциация русского языка и литературы». Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour); Михаил Лермонтов – Герой нашего времени, 2014, Тегеран, Иран, 1-ое изд. Изд-во «Арманданеш». Зейнаб Садеги-Сахлабад, Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour) и другие.

О ценностях языковых и коммуникативных

Разграничение ценностей языковых и коммуникативных как собственно научный вопрос, может, и не вполне актуален для современного языкознания. Потому хотя бы, что, решая те или иные проблемы в различных его направлениях, – от математической лингвистики до лингвокультурологии, мы можем отождествлять эти обозначения без особого вреда для исследовательских результатов. Однако с онтологической точки зрения за ними кроются все же некоторые сущностные различия.

Если очень коротко, языковые ценности суть 1) *объективные* (измеряемые в принципе) свойства языка – количество знаков в языковой системе (богатство словаря, синтаксиса и деривационный потенциал системы), что в совокупности определяет «отобразительные» возможности языка – способность адекватно отображать и изображать, или, другими словами, более или менее подобно (лучше – максимально подобно) описывать внешние вещи (референты) и внутренние состояния человека, и 2) *субъективные* (не измеряемые в принципе) качества языка; «звукость», «гармоничность», «выразительность» форм знаковых форм (внешних и внутренних).

И объективные, и субъективные языковые ценности в этническом (этнокультурном) аспекте, так сказать, не компаративны, в том смысле что для всякого нормального говорящего (не обработанного «внешне-культурным», причем не обязательно враждебным, воздействием) ценности родного языка очевидны и неоспоримы. Для немца язык его не груб, каким он кажется Шерлоку Холмсу, а исполнен благозвучия, ибо звуки этого языка слышал он в своем младенчестве в мягкой ласкательной тональности. Поэтому человеком нормальным родной язык не может быть назван «собачьим». И любой язык в своих функциональных «нишах», на наш взгляд, самодостаточен, но только в ситуации гомеостазиса этноса (равновесия с окружающим миром) [Гумилев 1990: 117, 481]. Перефразируя выражение Господа из Ев. от Матфея, можно сказать: *довлеет языку сила его* (‘каждому языку достаточно его собственных сил’). В сущности, язык аборигенов Полинезии (какого-нибудь племени, находящегося в гомеостазисе и вне контактов с более развитыми этносами) и высокоразвитый литературный язык европейского народа в своих функциях одинаково успешны.

Отметим, далее, что язык как первичная семиотическая система (как орудие и одновременно сокровищница смыслов и образов) не исчерпывает духовные ценности народа, ибо в семиосферу его духовной культуры входят и так называемые вторичные моделирующие системы, дающие ключ к декодированию текстов некоторого определенного уровня креативности и духовности (поэтические, публицистические, философские и т.п.) и тем самым в известной мере определяющие (моделирующие) дальнейшее познание мира.

Вторичные семиотические системы – прежде всего вербальные, но не обязательно. Это мифология (эпос, волшебные сказки), народная поэзия, обряды, священные тексты, живопись и скульптура, архитектура, кинофильмы, а в наше время даже рекламные тексты, «мемы» в интернет-коммуникации – все что угодно. Некоторые из них вечные (прошедшие суд времени), многие же сиюминутны. Нынешние студенты уже, как правило, не реагируют на советскую киноклассику (комедии Гайдая, например), но чувствуют себя весьма уверенно в субкультуре соцсетей. Для большинства студентов властители дум ныне – популярные блогеры, отнюдь не Достоевский и Чехов, и уж тем более не Евангелие, каждое слово которого стало (по крайней мере было), по словам Максимилиана Волошина, основой русской души. «Язык нашего морального чувства возник из Евангелия, и каждое евангельское имя, каждый евангельский эпизод, каждая евангельская притча стали гранями нашей души. Поэтому каждое евангельское слово – символ для нас, ибо символом мы называем то слово, которое служит ключом от целой области духа» [Волошин 1989: 460].

Коммуникативные ценности – это, очевидно, более широкое понятие, поскольку включает в себя языковые ценности (языковые богатства этноса), но рассматриваемые в аспекте коммуникативно-прагматического потенциала, т.е. как те свойства языка, которые позволяют говорящему индивиду оптимальным образом (с его точки зрения) осуществить речевое общение (текстопорождение), т.е. достигнуть коммуникативных целей, реализовав глубинные интенции речемыслительной деятельности. Заметим попутно, что коммуникативные интенции, сколько бы ни выделил их психолог, в сущности вполне могут быть сведены к двум, представляемых в конкретных коммуникативных условиях в разных пропорциях – от нулевой до стопроцентной: 1) оказать воздействие на адресата (даже если мы просто информируем адресата, мы делаем это обычно лишь тогда, когда ожидаем от него какого-то отклика), 2) произвести впечатление на участников общения.

Очевидно, что к коммуникативным ценностям следует отнести в первую очередь наличие в языке различных функциональных регистров – стилей, формирующихся по мере общественного развития, а также социальных диалектов (профессиональных жаргонов, сленга). Каждый из стилей и социолектов обладает своими ценностями, которые за его, социолекта, пределами, могут оборачиваться коммуникативными антиценностями (имеются в виду прежде всего вербальные средства речевой агрессии).

Языковые ценности можно уподобить содержимому шкатулки с накопленным в разное время добром, в том числе и совсем новым, приобретенным на наших глазах и имеющим «позитивный потенциал» (т.е. возможность утвердиться в языке как ценность). Языковые ценности образуют

стабильную основу коммуникативных ценностей, *динамичных* (исторически подвижных) и *дискурсивных* (квалифицируемых как ценность лишь в конкретном дискурсе и на определенном синхронном срезе).

Прямых соответствий между языковыми и коммуникативными ценностями, очевидно, нет. Другими словами, объективные богатства языка (лексика и синтаксис) по-разному проявляются в коммуникативно-прагматическом аспекте. Так, в XIX веке русский литературный язык в целом (по языковым ценностям) вряд ли можно было поставить выше французского, английского или немецкого языка, но в художественном дискурсе, т.е. «как материал словесности язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими языками» [Пушкин 1825: 41].

*

Итак, всякий раз, вступая в коммуникацию, мы вольно или (чаще) невольно решаем и проблему выбора знаковых средств, иначе говоря, проблему предпочтения, т.е. сравнительно-аксиологическую по своей природе, ибо, делая выбор, мы так или иначе в данных коммуникативных обстоятельствах выбранное оцениваем выше, чем отвергнутое.

В синхронно-динамическом аспекте выбор слов и конструкций определяется не референтом (обозначаемым) – поскольку этот выбор уже сделан до данного речевого акта, – а коммуникативной прагматикой (целесообразностью – стремлением к достижению коммуникативных целей, часто в ситуации манипулятивного использования языка).

Как известно, основные критерии выбора из уже имеющихся средств (в синхронной системе) – социальный статус (престижность), требования речевого этикета (так, носители просторечия выбирают стилистически отмеченные слова *кушать*, *супруг*, не считаясь со стилистическими и дискурсивными ограничениями, полагая, что так вежливее) и, по-видимому, реже, «вкусовые» предпочтения (эстетический критерий). В ситуации культурного воздействия из иноязычной сферы (первоначально, по-видимому, всегда одновекторного) коммуникативной престижностью наделяются знаки чужого (воздействующего) языка, даже если коммуникативной нужды в них нет, как в случае с многочисленными галлицизмами в разговорной речи дворянского сословия XVIII–XIX вв. или с англоязычной лексикой во многих дискурсах своеевременного коммуникативного пространства. В древности, напомним, во всех лингвокультурах как «высокостатусные» оценивались письменные проповеднические (пророческие) языки [Мечковская 1998: 15–16], возникающие, как правило, при переходе от мифологии (которым для бытия достаточно устной традиции) к религиям для кодификации вероучения [Мишланов 2016: 5]. Для верующих, коими в старину были практически все, Откровение Божие свято не только духом (концептами), но и буквой пророческого языка, и уже поэтому древние знаковые формы

«канонизировались», а принцип «чем древнее, тем свяще» обусловил тяготение к языковой архаике и в литературно-художественной сфере.

Со временем профетические языки (древнееврейский, латинский в средневековой Европе, арабский в мусульманских странах, старославянский у православных славян и др.) начинают функционировать в книжной письменности в целом (а не только в церковно-религиозном дискурсе). Стоит добавить, что функцию высшего коммуникативного регистра способен выполнять и национальный язык, но в том случае, когда он берет на себя роль профетического языка. Так и произошло в христианском мире в ходе секуляризации духовной культуры и книжной письменности. Подчеркнем при этом, что духовное воздействие Библии в новом языковом воплощении не уменьшилось, и язык Св. Писания продолжал быть источником развития книжных стилей того или иного национального языка. «О. Опфель пишет: "Ни Шекспир, ни Байрон, никакая другая выдающаяся личность английской литературы не оказали такого широкого и глубокого влияния на формирование литературного и политического мира. Один писатель как-то предположил, что могло бы произойти, если бы Библия короля Якова вдруг исчезла: *Люди бы перестали понимать, о чем писали классики*"» [Мягкова 2005: 312].

В семиосфере русского мира прореческий язык сохранился, сузив, однако, сферу функционирования до собственно литургических нужд. Произошло это, как известно, в XVII веке, когда церковно-книжный тип древнерусского литературного языка разделился на собственно церковнославянский язык, канонизированный церковью, а потому сохранивший все лексические и грамматические богатства, накопленные старославянским языком, какими бы архаическими они ни были, и новый литературный язык, т.е. язык светской книжной письменности, вполне оформившийся лишь к началу XIX в.

По этой причине наше коммуникативное пространство с древнейших времен было и остается доныне диглоссийным: если русский разговорный язык (исчезающие говоры и городское просторечие) зиждется на восточнославянской языковой традиции, то основную роль в становлении книжных стилей, как известно, сыграл церковнославянский язык (в истоке своем старославянский). Причем двуязычие русского мира почти всегда (за исключением самого начала книжной письменности на Руси) было неявным [Успенский 1994: 6], не осознаваемым языковым коллективом, так как церковнославянский язык (церковно-книжный тип древнерусского языка) никогда не воспринимался как чужой, даже как инославянский.

Продолжим здесь отсылку к знаменитой статье А.С. Пушкина (хоть и знает слова эти любой прилежный студент-филолог): «Судьба его [славяно-русского языка] была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты,

величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, *и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей*».

Как уже было сказано, в ситуации равновесия с внешним миром всякий язык самодостаточен и весьма статичен, однако социальное и технологическое развитие приводит в какой-то момент к необходимости обогащения семиосферы, желательно ускоренного, но за счет лишь «внутренних резервов» это недостижимо, поэтому языковой коллектив черпает недостающее из иных семиосфер.

Так, в XVII веке в научно-технической сфере русский язык был совсем неразвит (просто не было еще устоявшихся терминосистем для различных научных областей), поэтому в Петровскую эпоху в русский язык, оправданно и неизбежно, проникло множество иноязычных слов. Стоит заметить при этом, что еще больше слов в формирующемся языке науки появилось в это время на базе церковно-книжного типа русского языка: калькируя устоявшиеся в европейских языках специальные и общенаучные термины, ученые мужи опирались не на живой русский язык (общерусское просторечие), а на освященный многовековой письменной традицией церковнославянский язык, который был для нас на протяжении тысячелетия «знаковой сокровищницей».

Ныне русский язык вновь переживает нашествие иноязычной стихии, причем происходит это в новых, появившихся лишь в наше время, условиях сосуществования национальных языков, а именно – в глобализованной на базе английского языка информационной среде. Данное обстоятельство делает обычный, казалось бы, процесс лексических заимствований, особенным, по крайней мере, в трех отношениях; во-первых, «донором» является почти исключительно английский язык, во-вторых, англизмы проникают в той или иной мере едва ли не во все разновидности языка (за исключением, церковно-религиозного стиля), а в-третьих, англоязычные варваризмы в условиях господства интернет-коммуникации потенциально более, так сказать, жизнестойки, или, выражаясь медицинским языком, более инвазивны, чем ранее.

В некоторых сферах общения, например, в компьютерно-информационной, англоязычные варваризмы, безусловно, обладают большей коммуникативной ценностью, чем возможные новообразования на базе русской и церковнославянской лексики и морфемики (даже весьма удачная и вполне удобная в произносительном и грамматическом плане аббревиатура «эвм», возникшая в середине прошлого века и довольно часто употреблявшаяся поначалу, постепенно ушла на периферию, вытесненная словом *компьютер*).

Но зачем в нашем научном дискурсе и в публицистике «застряло» модное словечко *нarrative* со всеми своими производными?

Опасен ли этот процесс для языка? Справится ли он и ныне с очередным потоком иноплеменных слов, настолько мощным и пока успешным, что даже власть предержащая не сочла возможным остаться в стороне, приняв закон о запрете необоснованного употребления иностранных слов в определенных коммуникативных областях?

И резон в этом есть. В редких случаях употребление того или иного англоязычного неологизма оправдано номинативным удобством (например, новое техническое устройство, уже названное их создателями, не всегда легко и удачно может быть обозначено русской метафорой). Но чаще причиной является леность умственная, а еще чаще – укоренившиеся в сознании обычавателя оценочные стереотипы, в том числе и представление о том, что иноязычное (прежде – французское или немецкое, теперь – английское) более престижно, имеет большую ценность, чем свое, русское. Для многих, увы, мерила коммуникативных ценностей – не чувство прекрасного, не преданья старины глубокой, а соответствие тому, что модно и «престижно» сейчас.

Наверное, права И.Б. Левонтина, полагающая бессмысленной и обреченной на провал идею думских депутатов принять закон о запрете иностранных слов [Гавашели 2023: Список электронных источников]. Впрочем, во-первых, вряд ли в законе речь может идти о запрете всех англоязычных неологизмов и во всех сферах коммуникации, а во-вторых, идеи о законодательных запретах в коммуникативной области отнюдь не новы (см., например, Библию, «Уложение Алексея Михайловича» и др.).

Согласимся, что закон здесь бессилен. И что дальше? Уповать на то, что наш язык справится с новым вызовом? История-де не новая, и язык всякий разправлялся с иноязычным нашествием, оставаясь «великим и могучим».

Но язык велик не только благодаря своему славному прошлому, но и при условии, что у него есть полноценное коммуникативное настоящее. А вот полноценно ли оно – это вопрос. Мы видим, как редко, увы, нынешние студенты улавливают литературные реминисценции, хорошо владея «новоязом интернета», и совсем невнятны им библейские фраземы.

Вопрос не в том, насколько опасны для нашей духовной самобытности означенные здесь изменения в системе коммуникативных ценностей, а в том, как уберечь наше духовное пространство от новых угроз. Есть уверенность, что спасение не в запрете чужого и чуждого, но в деятельной защите (а если хотите, и в пропаганде) подлинных языковых и коммуникативных ценностей.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Синтаксические ресурсы языка политики в динамическом аспекте (на материале газетных текстов)

Воздействие политической коммуникации выражается в ее прямом и опосредованном влиянии на общество. Функциональные аспекты процессов политической коммуникации раскрываются через определение: «Политическая коммуникация – процесс передачи политической информации, который структурирует политическую деятельность и придает ей новое значение, формирует общественное мнение и политическую социализацию граждан с учетом их потребностей и интересов» [Грачев 2004: 79].

К прямым методам влияния относятся призывы прийти на выборы или поддержать конкретного кандидата, инициативы с просьбой одобрить законодательное предложение и под косвенное влияние предполагает создание определенных представлений или стереотипов, способных повлиять на политическое сознание общества [Ощепкова 2017: 300]. К косвенному способу влияния политических медиа на массовое сознание относится, по нашему убеждению, и язык медиапубликаций, особенности построения высказываний и целых текстов. При этом объектом нашего внимания в настоящем материале являются выразительные возможности языка, и в частности – выразительные возможности синтаксиса.

Известно, что в структуре речи и ее лексико-содержательных особенностях реализуются смысловые и эмоциональные оттенки авторской интенции. Чем экспрессивнее содержание, тем выразительнее форма, и наоборот. С другой стороны, выразительная форма способна будить мысли и чувства людей, поддерживать обостренное внимание и вызывать интерес к сказанному или написанному, а также воздействовать на разум воспринимающей аудитории.

Речевая практика медиакоммуникации последних лет не оставляет сомнений в том, что синтаксическая структура речи, ее свойства и особенности способствует активизации речемыслительной деятельности адресата, поддерживает внимание и интерес к медиа. Часто именно синтаксическое оформление речевой структуры медиатекста (даже при отсутствии в нем лексико-морфологических средств выразительности) дает основание рассматривать ее как структуру выразительную, непосредственно

воздействующую на эмоционально-чувственную сферу восприятия реципиента. Понятно, что при этом условиями выразительности речи являются самостоятельность мышления говорящего, его умение выбирать оригинальные способы передачи содержания мысли, неравнодушие, интерес к тому, о чём идет речь, а также хорошее знание языка, его выразительных возможностей.

Обычно под *выразительностью речи* понимаются такие *особенности ее структуры*, которые поддерживают внимание и интерес у слушателя или читателя; соответственно речь, обладающая этими особенностями, называется *выразительной*.

Иначе говоря, выразительность – это качество речи, состоящее в применении таких языковых единиц и речевых приемов, которые позволяют усилить впечатление от высказывания, вызвать и поддержать внимание и интерес у адресата, воздействовать на его разум и чувства.

Сегодня теория речевой выразительности достаточно полно разработана на материале художественного дискурса, в то время как ее исследование в области политического дискурса еще нуждается в ряде дополнений и уточнений. Между тем исследование выразительного потенциала синтаксической организации медиатекста необходимо потому, что язык политики, по своей онтологической природе «заточенный» на выразительность [Костомаров 1994], проявляет – особенно в последние годы – признаки выразительности и образности, становится все более и более нетривиальным, самобытным, подчеркнуто воздействующим, цепляющим сознание адресата. Как справедливо отмечает Р.Ж. Шварценберг, «в рамках политического контура язык стремится к полюсу эмоциональности» [Шварценберг 1992: 16]. Таким образом, можно говорить о высокой роли выразительности в сфере политического общения, что, безусловно, поддерживается и синтаксическими средствами.

В политической сфере выразительность придает убедительность речи и делает восприятие сообщения более легким, вызывая при этом в сознании адресата ощущение доверия, что усиливает принятие последним изложенных в тексте идей, мнений и оценок.

Вместе с тем размышления о выразительности политического языка требуют конкретизации временного плана, поскольку политический язык – один из тех видов речевой практики, которые живо откликаются на любые так или иначе значимые перемены в общественной жизни.

Для анализа синтаксических ресурсов выразительности в газетном политическом дискурсе, к тому же с учетом их динамики в определенном временном контексте, нами были изучены тексты, опубликованные в «Российской газете» за 2004–2006 и 2022–2024 гг. Выбор временных периодов

продиктован целью анализа – установить наличие/отсутствие оптимизации синтаксической выразительности в газетной речи до острой фазы геополитического противостояния России и Коллективного Запада (до СВО) и во время этого противостояния (в период СВО).

Важно также уточнить, что для анализа выбирались тексты информационно-аналитического жанра, включая интервью, статьи, заметки, репортажи. Было отобрано одинаковое количество текстов по разным периодам – десять единиц за период с 2004 по 2006 гг. и десять единиц за период с 2022 по 2024 гг.

По мнению Г.Я. Солганика, «синтаксис – важнейшая стилеобразующая область языка. Он обладает огромными ресурсами выразительности, во многом определяет стилевой облик текста, имеет непосредственное отношение к распределению информации в предложении и тексте. Почти все категории, все составляющие синтаксиса так или иначе сказываются на стиле текста» [Солганик 2000: эл. ресурс]. При этом Ф.А. Куек подчеркивает, что специфика газетного синтаксиса заключается в употреблении повторов, параллелизма, эллипсиса, парцелляции, чередовании длины высказываний и характерных для данного стиля грамматических конструкций [Куек 2005: 18].

Период до начала 2020-х гг. характеризуется постепенным ростом международной напряженности. В результате активного участия России в разрешении мировых кризисных ситуаций ее роль и авторитет в международной политике заметно возросли. Все происходящие изменения отразились и на средствах массовой информации.

В этот период (до 2022 г.) в текстах «Российской газеты» наблюдается некоторое увеличение выразительных синтаксических конструкций по сравнению с текстами этой же газеты, которые публиковались в более спокойный с военно-политической точки зрения период (а именно до 2013 г.)¹. В это время на страницах газеты активно функционируют, например, предложения с устойчивыми (фразеологизированными) структурами, вводными и вставными конструкциями, парцеллированные единицы, различные тропы синтаксического характера типа анафоры, эпифоры хиазма, синтаксического параллелизма и др., а также средства лексической выразительности. Приведем пример из текста, напечатанного в номере «Российской газеты» от 25 марта 2006 г. (выразительные средства выделены):

Рассматривая перспективные модели стабильности в Черноморско-Кавказском регионе, важно определить основные болевые точки, провоцирующие дестабилизацию этого важного района мира. На мой взгляд,

¹ Эта особенность была установлена в ряде дипломных работ студентов филологического факультета ПГНИУ.

основной точкой нестабильности является сейчас Грузия. Дело в том, что Грузия – реваншистское государство. Реваншистское именно с точки зрения территориальных претензий. С этой точки зрения Грузия очень похожа на Германию 30-х годов и не похожа на сегодняшнюю Россию. Ведь основным лейтмотивом действий Берлина в тех условиях был именно *пересмотр итогов первой мировой войны и возвращение тех территорий, которые Германия считала своими. Что касается России, то она – тоже реваншистское государство, но совершенно в другом смысле. Да, мы стремимся к восстановлению политического влияния России, превращая ее в ведущую мировую державу. Но мы не требуем возвращения территорий, хотя оснований для таких претензий у нас побольше, чем у Грузии.* Это и Крым, и Новороссия. Это – отдельные районы прибалтийских государств и Северо-Восточный Казахстан. Но мы таких территориальных претензий не выдвигаем. Единственное, что мы требуем от соседей – это не создавать угроз нашей безопасности и не ущемлять права русскоязычного населения (Александров М.: Список электронных источников).

Как видно, из 186 слов, составляющих данный отрывок, 75 по своей контекстуальной семантике относятся к эмоционально воздействующим. Так, автор статьи российский эксперт М. Александров утверждает, что Грузия – главная угроза миру и безопасности в регионе, что она проводит наиболее дестабилизирующую политику. Напряженность в мире, вызванная политикой Грузии в 2006 году, передается практически каждой второй единицей текста, что отражает тревожность психологического состояния всего общества. Кроме того, для усиления эффективности воздействия на адресата здесь используется антитеза, усиливающая авторское противопоставление двух видов реваншизма – грузинского и германского, с одной стороны, и российского – с другой (см. подчеркнутое).

Среди экспрессивных синтаксических конструкций наиболее распространенными в языке газеты этого периода являются парцеллированные предложения, вопросо-ответные комплексы, риторические вопросы, а также различные релятивы.

Интересна особенность использования в политических медиатекстах данного периода присоединительных конструкций, синтаксическая семантика которых помогает автору акцентировать, например, абсурдность описываемой автором ситуации и донести до аудитории позицию автора. Сравните (см. выделенное):

Для революции, как теперь становится ясно, нужно, чтобы многое «сошло». Кроме взбудораженных студентов, нужен киевский средний класс, оскорбленный деловой стилистикой пришлых «донецких», и олигархи, которые всегда рады переделам, и народ, который устал от ворующей и

коррумпированной власти и хочет справедливости. И это сегодня – не сходится. (Яковлева Е.: Список электронных источников)

Не останавливаясь более подробно на представлении средств выразительного синтаксиса в текстах «Российской газеты» периода до начала СВО, обратимся к освещению этого вопроса в текстах, опубликованных после начала СВО.

Было установлено, что в этот период заметно меняется синтаксический рисунок публикаций, а именно: таких синтаксических средств, как риторические вопросы, восклицательные предложения, предложения с вводными и вставными конструкциями, эллипсисом, парцелляцией и др. становится на порядок больше. До этого времени, как показали наши наблюдения (см. выше), выразительный синтаксис не преобладал над такими – более спокойными – синтаксическими единицами, как многосоюзие, бессоюзие, обособления разных типов, доминировавших в текстах до 2020-х годов.

В период с 2022-го по 2024-й год мировая политическая обстановка характеризуется увеличением напряженности между ведущими державами. Конфликт на Украине стал толчком к пересмотру вопросов глобальной безопасности. Страны Запада продолжают усиливать свои альянсы (ср., например, НАТО и AUKUS), в то время как Россия стремится установить новые партнерские отношения с Китаем, Индией, Вьетнамом, Северной Кореей, Кубой и др. С другой стороны, США и их партнеры занимают лидирующие позиции в сфере безопасности на международной арене, оказывая активную поддержку Украине и вводя дополнительные санкции против России. В это же время Китай реализует амбициозные планы по расширению своего влияния в Азии и других регионах.

Иначе говоря, политическая обстановка для России является сложной и многослойной: продолжение СВО, внутренние проблемы, международная изоляция и усиление контроля власти над обществом, современное вооружение и неопределенность в защите рубежей и др. Все эти факторы оказывают большое влияние на языковые особенности газеты, усиливая ее экспрессивность.

В 2023 году в России принята новая Концепция внешней политики, направленная на защиту суверенитета и переориентацию интересов РФ с Запада на Восток как регион более спокойный в geopolитическом плане. Однако это не стало началом снижения речевой экспрессии «Российской газеты» (как, очевидно, и др. газет тоже). Можно сказать, что с 2022 г. выразительность языка газеты в целом выросла именно за счет политической тематики. При этом одним из самых сильных инструментов выразительности

оказывается, по нашим наблюдениям, как раз выразительность синтаксическая. Так, например, в это время в газетной речи на порядок выросла частотность таких единиц, как вопросо-ответные комплексы, вопросительные и восклицательные предложения, парцелляция, градация, инверсия, вводные и вставные конструкции, эллипсис, синтаксическое противопоставление (антитеза), риторический вопрос (см. ниже табл. 3).

Рассмотрим фрагмент статьи Ю. Когалова «Мы на грани глобальной войны. Карлсон рассказал о захватывающем интервью с Лавровым»:

(1) *Подогревая интерес*, Карлсон заявил, что “незаметно для большинства американцев **США оказались в состоянии необъявленной реальной войны с Россией**, за которую не голосовали и которой большинство американцев не хочет, **однако она идет**”. (2) “*Из-за того что американские военные фактически прямо сейчас убивают русских в России, мы находимся к началу ядерной войны ближе, чем когда-либо в истории, намного ближе, чем это было в эпоху Карибского кризиса*”, – считает журналист. (3) Он подчеркнул, что никто в Вашингтоне “не работает над тем, чтобы конфликт не превратился в **ядерный холокост**”. (4) Госсекретарь США Энтони Блинкен *прервал все контакты* между Москвой и Вашингтоном, “на протяжении более чем двух лет **нет никакого диалога**”. (5) *И это шокирует.*

(6) “*Мы на грани глобальной войны. (7) Почему никто не говорит об этом? (8) Это интервью меняет это. (9) Мы путешествуем по миру, чтобы рассказать вам правду о том, что действительно важно, – ясно и без страха*”, – говорится в анонсе на сайте Текера Карлсона.

(10) Журналист также обратил внимание на свои попытки осветить **украинский конфликт** с разных сторон. (11) После интервью с президентом РФ Владимиром Путиным в феврале 2024 года он *пытался побеседовать* и с Владимиром Зеленским. (12) “*Мы постоянно обсуждали это, но этим усилиям мешало правительство США.* (13) Американское посольство в Киеве, на которое *уходят деньги наших налогоплательщиков*, заявило правительству Зеленского: **Вы не можете давать** интервью”, – указал Карлсон. (14) *По его словам*, из-за того, как *преподносят информацию* американские СМИ, жители США *не обладают полным видением ситуации, сложившейся на международной арене* (Когалов Ю.: Список электронных источников).

Как видно, из 226 слов, составляющих данный отрывок, 100 по своей контекстуальной семантике относятся к эмоционально воздействующим; из 14 предложений – ни одного неэкспрессивного или без выразительных средств. Здесь также можно выделить 16 устойчивых и фразеологических конструкций типа *подогревать интерес, оказаться в состоянии, необъявленная война, эпоха Карибского кризиса, прервать контакты, ядерная война* и др.; 7 сложноподчиненных конструкций, 2 из которых с несколькими придаточными частями; 2 бессоюзных предложения; 2 конструкции со сравнительно-

сопоставительной семантикой (сравнительный оборот *чем когда-либо в истории* и придаточная часть *чем это было в эпоху Карибского кризиса с этим значением); 2 присоединительные конструкции (*И это шокирует. ...ясно и без страха*); есть также вводное сочетание (*по его словам*), деепричастный и причастный обороты (предложения 1 и 14), а также вопросо-ответный комплекс (предложения 7–8). Таким образом, можно утверждать, что рассмотренный фрагмент обладает высокой степенью синтаксической выразительности и экспрессивности.*

Важно также отметить наличие в этом фрагменте таких яких авторских выражений окказионального типа, как *убивают русских в России* и *ядерный холокост*. За счет выразительности и новизны этих сочетаний усиливается, как кажется, воздействующий потенциал всего представленного фрагмента.

Проведенный нами сравнительно-сопоставительный анализ особенностей использования синтаксических средств выразительности в политических текстах «Российской газеты», опубликованных в периоды 2004–2006 гг. и 2022–2024 гг., позволил установить количественные изменения этих особенностей и создать гистограмму (см. рис. 3).

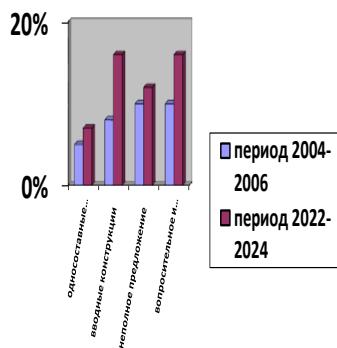

Рис. 3. Доля использования синтаксических средств выразительности в политических материалах «Российской газеты»
периодов 2004–2006 гг. и 2022–2024 гг.

Как показывает гистограмма, в материалах «Российской газеты» за период 2022–2024 гг. доля использования средств синтаксической выразительности в политическом сегменте «Российской газеты» выше, чем в материалах этой же газеты за период 2004–2006 гг.

Обобщение результатов нашего исследования дает возможность утверждать, что особенно заметно выразительность газетного языка в период после 2022 г. увеличивается за счет *вводных и вставных конструкций, вопросительных и восклицательных предложений, инверсии, градации,*

парцелляции, эллипсиса, риторических вопросов; а также за счет таких конструктивно-синтаксических приемов, как синтаксический параллелизм, вопросо-ответный комплекс, синтаксическое противопоставление (антитеза). Эти результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Средства синтаксической выразительности
в политических текстах «Российской газеты»
(периоды 2004–2006 гг. и 2022–2024 гг.)**

Синтаксическая средство/фигура	Материалы «Российской газеты» периода 2004–2006 гг.	Материалы «Российской газеты» периода 2022–2024 гг.	Показатели увеличения средств синтаксической выразительности (период после 2022 г.)
	кол-во	кол-во	кол-во
Антитеза	6	10	4
Вводные и вставные конструкции	10	18	8
Вопросительное предложение	5	11	6
Вопросо-ответный комплекс	9	16	7
Восклицательное предложение	7	17	7
Градация	8	22	14
Инверсия	4	21	17
Парцелляция	5	17	12
Риторический вопрос	4	19	15
Синтаксический параллелизм	17	28	11
Эллипсис	2	29	27
Всего по периодам:	77	208	128

Как показывают данные табл. 1, в период с 2022 по 2024 гг. язык текстов политического содержания «Российской газеты» становится более выразительным, чем были такие тексты в период с 2004 по 2006 гг.: ср. 77 выразительных единиц в первом периоде и 208 – во втором. В целом выразительность синтаксиса во втором периоде по сравнению с первым выросла на 128 единиц².

При этом самыми частотными «выразителями экспрессии» здесь оказываются эллиптические, инверсированные, риторические и градационные структуры (см. табл. 3). Такой результат неслучаен, поскольку эллипсис, инверсия, риторический вопрос и градация являются, во-первых, традиционно

² Подчеркнем: речь идет об обобщенных результатах анализа, которые следует понимать как некоторую тенденцию. Для более точных утверждений о специфике синтаксической выразительности в современных политических медиатекстах необходимы дальнейшие исследования.

востребованными синтаксическими структурами в медиаречи, а во-вторых, это один из самых ярких синтаксических способов выражения эмоциональных оттенков высказывания.

Подводя итог настоящему анализу, следует подчеркнуть, что увеличение средств синтаксической выразительности в языке газеты современного периода связано с ростом социальной и военно-политической напряженности в мировом сообществе, на что медиа отвечают усилением выразительности, в том числе выразительности синтаксического оформления речи.

Очевидно, большое количество ярких синтаксических структур выступает в политических газетных текстах одним из основных инструментов передачи идеологических смыслов и эмоций. Таким образом заключенные в текстовой ткани идеологические смыслы быстро привлекают внимание читателя, побуждают его активно вовлекаться в обсуждаемую проблему, сопререживать ее решению и принимать необходимые решения, к которым как бы незаметно «подводит» читателя создаваемый автором выразительный язык публикации.

Интернет-тексты телеграм-канала Г.А. Зюганова о памятных датах: особенности содержания, композиции и языкового оформления

Памятные даты в истории народа формируют так называемый политический календарь определенной страны. Памятные даты истории России не только выступают в качестве значимой составляющей календаря героических событий нашей страны, но и являются мощным средством идеологического воздействия на массовое сознание, одним из эффективных способов сохранения исторической памяти народа и формирования политической культуры нашего общества. По мнению А.И. Щербинина и Н.Г. Щербининой, «повторяемость политических праздников, эмоциональная включенность различных социальных слоев и поколений, не принимавших участия в первособытии... – наиболее действенный способ легитимации режима» [Щербинин, Щербинина 2010: 190].

Известно, что 13 марта 1995 года Государственной Думой Российской Федерации был принят Федеральный закон №32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», который действует в настоящее время в редакции с изменениями от 28 сентября 2023 года. В преамбуле данного документа отмечается: «Настоящий Федеральный закон устанавливает дни славы русского оружия – дни воинской славы (победные дни) России (далее – дни воинской славы России) в ознаменование славных побед российских войск, которые сыграли решающую роль в истории России, и памятные даты в истории Отечества, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни государства и общества (далее – памятные даты России)»¹. Перечень памятных дат России был официально закреплен федеральным законом, что придает особую значимость упомянутым в тексте документа историческим событиям.

В последние десятилетия отечественные историки и политологи отмечают наметившуюся в XXI веке в России тенденцию актуализации советских символов, образов и ценностей. Как полагают Т.В. Евгеньева и А.В. Селезнева, обращение к ценностям и идеям советского периода происходило в истории современной России в три этапа: в 1990-е годы наблюдалось сознательное и активное разрушение советского образа мира, в 2000-е годы возникает фрагментированный интерес к наследию советского прошлого, наконец «условным началом относительно системной и целенаправленной актуализации образов советского прошлого в современном

¹ Федеральный закон «О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13.06.2023 № 238-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449433/

политическом дискурсе можно считать начало 2010-х годов», причем «процесс этот происходит одновременно на двух уровнях – и в массовом сознании, и в политической коммуникации» [Евгеньева, Селезнева 2016: 32]. Совершенно очевидно, что общественный запрос на актуализацию символов, идей, образов советского времени связан прежде всего с поисками гражданами современной России своей идентичности, с возникшим в обществе стремлением к осознанию отдельного члена социума как гражданина великой державы, могущественной страны с богатейшими возможностями и славным историческим прошлым.

В этом отношении показательны меры по возрождению традиций советского прошлого членами Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), выступающей в качестве официальной преемницы Коммунистической партии Советского Союза (КПСС): в агитационной и пропагандистской деятельности КПРФ «символы советского прошлого используются уже в их непосредственном значении – как символы возврата к этому прошлому в самых разных его аспектах: от напоминания о достижениях СССР в различных областях до характерных для советской пропаганды символических образов трудящихся и капиталистов в контексте борьбы за социальную справедливость» [Евгеньева, Селезнева 2016: 34]. Примечательно, что советская символика, идеи, ценности активно пропагандируются не только в реальной деятельности коммунистов России, но и на интернет-ресурсах, отражающих жизнь коммунистической партии РФ и отдельных лидеров российских коммунистов. Ярким примером пропаганды советских ценностей, идей, образа жизни, достижений СССР является авторский телеграм-канал Председателя ЦК КПРФ, руководителя фракции Коммунистической партии РФ в Государственной Думе ФС Российской Федерации Геннадия Андреевича Зюганова.

Авторский телеграм-канал Г.А. Зюганова был создан 13 сентября 2021 года под давлением участившихся кибератак на аккаунты лидера российских коммунистов в социальных сетях, в настоящее время на его аккаунт подписаны 6672 интернет-пользователя. В телеграм-канале Г.А. Зюганова содержится информация, представляющая собой отклики лидера КПРФ на актуальные события российской и международной политики, автор размещает материалы в ежедневном режиме, иногда за одни сутки выкладывается несколько постов.

В качестве материала исследования послужили тексты 405 постов, размещенных в телеграм-канале Г.А. Зюганова в период с 18 октября 2023 года по 06 мая 2024 года и с 04 января 2025 года по 21 февраля 2025 года, анализу подвергались тексты постов, приуроченных к памятным датам, значимым для эпохи существования СССР (Союза Советских Социалистических Республик).

Посты, посвященные памятным датам преимущественно советского периода истории России, составляют 16,29% от общего количества исследованных текстов и насчитывают 66 материалов в данной выборке. Кроме того, упоминания об определенных знаменательных событиях отечественной истории содержатся в регулярно размещаемых текстах постоянной рубрики телеграм-канала «Главные новости на левом фланге».

Обращает на себя внимание то, что памятные даты в «политическом интернет-календаре» лидера российских коммунистов лишь частично совпадают с официально утвержденными российским Федеральным законом №32-ФЗ днями воинской славы и памятными датами России. Иначе говоря, в телеграм-канале Г.А. Зюганова отмечаются только те события, которые отражают действенность политики, проводившейся в прошлом руководством КПСС, информируют современного читателя о заслугах советских граждан в разных сферах жизни, чествуют героев и прославляют известных людей, внесших весомый вклад в развитие советской страны, напоминают о событиях, значимых для развития советской промышленности, сельского хозяйства, экономики, науки, культуры. Так достигается программируемое автором телеграм-канала идеологическое воздействие на современных интернет-пользователей, многие из которых являются, как и сам автор аккаунта, приверженцами коммунистической идеологии. Кроме того, на наш взгляд, размещение в анализируемом телеграм-канале постов, посвященных памятным датам, способствует сохранению исторической памяти народа о важном периоде истории нашей страны и преемственности между поколениями, что, безусловно, чрезвычайно актуально в настоящее время.

Анализ содержания постов, посвященных памятным датам, позволил выявить определенную повторяющуюся композиционную структуру, которой придерживается автор в процессе создания текста. Обычно текст поста состоит из трех структурных компонентов, которые соответствуют частям классической композиции текста: вступлению, основной части и заключению. После даты размещения поста во вступлении обозначается основное событие, послужившее причиной появления данного текста, например (здесь и далее авторское правописание сохранено – Е.К.):

а) «30.12.2023. Каждый год накануне Новогодних праздников мы отмечаем историческую дату – **День Рождения** нашей любимой и великой **Советской Родины!** 101 год назад – **30 декабря 1922 года** – был образован Союз Советских Социалистических Республик; б) 01.02.2024 Сегодня первой Конституции СССР – 100 лет! **31 января 1924 года** II Всероссийский съезд Советов единогласно **утвердил первую Конституцию Советского Союза**, установившую впервые в мире социалистическую систему в стране; в) 04.01.2025 **4 января 1943 года** американский журнал **Time** назвал

«Человеком года» Иосифа Виссарионовича Сталина – главу Советского Союза, главного архитектора и вдохновителя грядущей Победы над нацизмом и фашизмом; г) 12.01.2025 12 января 1907 года в Житомире в семье преподавателя русской словесности родился основоположник отечественной космонавтики Сергей Павлович Королёв; д) 02.02.2025 2 февраля – День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве в 1943 году».

В приведенных текстовых фрагментах выделены те компоненты предложений, которые содержат указание на основное событие, послужившее побудительным мотивом для создания поста в телеграм-канале. Нередко информированию о значимом в истории нашей страны событии предшествует обращение автора к читателям и/ или поздравление с памятной датой, как в следующих текстах: а) «*Друзья! Поздравляю всех с праздничной датой. Сегодняциальному сайту КПРФ исполняется 26 лет!* (04.11.2023); б) *Поздравляю с Днём Рождения Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Рабоче-Крестьянского Красного Флота!*» (23.02.2024).

Основная часть текста поста, посвященного памятной дате, вариативна, так как в ней может содержаться: а) краткая история отмечаемого события; б) изложение современного состояния дел, имеющих отношение к исторической дате; в) цитирование высказываний известных деятелей советского государства, подтверждающих значимость исторической даты. В качестве иллюстрации приведем следующие текстовые фрагменты:

а) *105 лет назад, 5 ноября 1918 г, в составе Полевого штаба Реввоенсовета Советской Республики образовано Регистрационное управление для координации усилий всех разведывательных органов Красной Армии. Сегодня это День военного разведчика! О значении военной разведки сказано в Приказе Верховного Главнокомандующего И. Сталина № 195 от 1 мая 1943 г: «Изучать противника, улучшать разведку – глаза и уши армии, помнить, что без этого нельзя быть врага наверняка* (05.11.2023); б) *10 апреля 1944 г, 80 лет назад, советские войска под командованием генерала Р. Малиновского освободили Одессу от немецко-фашистских захватчиков... За время немецкой оккупации, продолжавшейся 907 дней, в городе погибли 82 тыс. жителей, 78 тыс. человек были угнаны на принудительные работы в Германию. 1 мая 1945 г. приказом Верховного Главнокомандующего Одесса была объявлена городом-героем. Одесская наступательная операция (с 26 марта по 14 апреля 1944 гг.) завершилась полной победой Красной армии* (10.04.2024).

В приведенном фрагменте поста а) приводится высказывание генерального секретаря ЦК ВКП(б), руководителя советского государства И.В. Сталина, которое автор телеграм-канала использовал для доказательства значимости определенной памятной даты в истории нашей страны, а в

текстовом фрагменте б) кратко излагается событийная канва отдельной военной операции, годовщине которой посвящен пост.

Если пост посвящен чествованию годовщины со дня рождения или смерти Героя Советского Союза, советского государственного деятеля, ученого, военачальника, то в основной части текста содержится краткое изложение биографии героя материала и оценка деятельности этого человека для развития нашей страны. Так, например, в посте, посвященном годовщине со дня рождения известного советского физика Льва Ландау, приводятся наиболее важные этапы биографии ученого и перечисляются его основные научные достижения:

22 января 1908 г. родился выдающийся советский физик, академик, лауреат Нобелевской премии Лев Ландау. Лев Давидович Ландау родился 22 (9) января 1908 г. в Баку. Его отец – инженер-нефтяник, а мать – учитель естествознания в школе. В 14 лет Лев окончил школу и поступил в Бакинский университет, где учился на двух факультетах одновременно: физико-математическом и химическом. С 1937 г. и до конца своих дней Лев Ландау работал в Институте физических проблем АН СССР, руководил теоретическим отделом. Его привлекали многие проблемы теоретической физики. Он изучал происхождение энергии звезд, дисперсию звука, сверхпроводимость, магнитные свойства материалов, свойства жидкого гелия. Написал «Курс теоретической физики» в соавторстве с Е.М. Лившицем. Основные достижения учёного... (22.01.2025).

В заключительной части поста обычно содержится поздравление с памятной датой, пожелания, благодарность людям, причастным к данному событию, выводы, подытоживающее рассуждение автора, или советские призывы и лозунги, например:

а) В день работника органов безопасности я желаю всем, кого по традиции и сегодня называют чекистами, крепкого здоровья, успехов в работе – и сохранения тех великих традиций гуманизма и твёрдости, воли и разума, знаний и патриотизма, которые закладывал Феликс Эдмундович, тех тонких и эффективных методов, которыми СМЕРШ переигрывал самые изощрённые разведслужбы нацистов. С праздником, товарищи чекисты! (20.12.2023);
б) Низкий поклон вам за доблестное служение Отчизне, за самоотверженное выполнение своего воинского и гражданского долга! (23.02.2024); в) Наше дело правое! Победа будет за нами! (05.03.2024); г) Да здравствует российский Крым! Да здравствует русский город-герой Севастополь! (18.03.2024).

Заключительная часть композиции отдельных постов оформляется при помощи императивных высказываний, выполняющих функцию своеобразных наказов или предостережений современникам о том, что трагические события истории никогда не должны повториться. Так, например, чрезвычайно актуально звучит предупреждение автора телеграм-канала, которое было адресовано современным европейским политикам в посте, посвященном 80-

летию освобождения Красной Армией узников нацистского концлагеря Освенцим: *Мы навсегда запомним о том, что именно Советские воины и Красная Армия-победительница одолела фашизм и нацизм, освободив все человечество от «коричневой чумы».* *Политиканам в Польше и другим европейским марионеткам следует знать, что забвение истории еще никого никогда до добра не доводило* (27.01.2025).

Изучение языковых особенностей интернет-текстов лидера российских коммунистов свидетельствует о том, что при создании постов Г.А. Зюганов и модераторы его аккаунта активно используют клише советского политического языка. С этой целью в текстах употребляются в первую очередь советизмы. Как отмечает Н.А. Купина, «к советизмам целесообразно отнести слова, сочетания слов, выражения, ‘связанные с социалистической организацией власти Советов и общества эпохи диктатуры рабочего класса’ (ТСУ: 341–342 – Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – Е.К.), а также номинации явлений, событий, происходивших в СССР, свойственных социалистической системе во всех сферах жизнедеятельности» [Купина 2009: 39].

В текстах телеграм-канала Г.А. Зюганова были выявлены следующие советизмы, служащие обозначениями реалий советского периода истории нашей страны: *Великая Октябрьская социалистическая революция, военный коммунизм, ВЧК, декрет, залп «Авроры», контрреволюция, Ленинский Мавзолей, ЛКСМ, НЭП, план ГОЭЛРО, продналог, продразверстка, пятилетка, Реввоенсовет Советской Республики, СМЕРШ, Советский Союз, СССР, совхоз, товарищи, чекист и др.* Очевидно, что частотное употребление советизмов в текстах лидера российских коммунистов оправдано в первую очередь с идеологической точки зрения, так как, по мнению С.М. Микогазиевой, «советизм несет стилистический оттенок, возрождая... советские реалии, отражающие установочную позицию Коммунистической партии, ратующей за возрождение советской жизни, общественного порядка и единой государственной экономической политики в России» [Микогазиева 2014: 148].

Примечательно, что в текстах Г.А. Зюганова сохраняются прежде всего стилистические особенности советской публицистики: *борьба за дело построения социализма, верность идеалам, верный соратник Коммунистической партии, встать под знамёна, дать путёвку в жизнь, детище Великого Октября, достойные продолжатели великих традиций своих героических предков, дружба народов, закалить в трудах и боях, Ленинский комсомол, передать эстафету молодому поколению, преданные делу Ленина коммунисты, продолжать славное дело предшественников, советское*

народовластие, стойкость в борьбе, стоять в авангарде борьбы, ударные стройки и мн. др.

Нередко заключительные фрагменты постов анализируемого аккаунта содержат трансформированные советские лозунги, например: *Бессмертен подвиг советских воинов на полях сражений и трудовой подвиг населения в тылу!;* *Вечная слава воинам-освободителям: солдатам и офицерам, партизанам и подпольщикам, ополченцам и труженикам тыла!;* *Светлая память героям-защитникам Советской Родины!;* *Социализм – будущее молодежи!* и др. Использование синтаксических моделей и лексических клише советских лозунгов в данных интернет-текстах подтверждает высказывание Н.А. Купиной о том, что «советские агитационные схемы составляют основу официальных агитационных технологий дня» [Купина 2009: 38].

Обобщая результаты проведенного исследования, еще раз отметим, что функцию идеологического воздействия на сознание современного интернет-пользователя реализуют абсолютно все составляющие текстов постов телеграм-канала Г.А. Зюганова, посвященные памятным датам: элементы содержания, компоненты композиционной структуры и языковое оформление. Посты, посвященные памятным датам, способствуют сохранению исторической памяти нашего народа, поддержанию преемственности традиций и воспитанию патриотизма молодежи.

Стилистические особенности российского дискурса пропаганды (на материале интернет-выступлений А.Г. Артамонова)

Пропаганда – форма побудительной коммуникации, представляющая собой распространение сообщений, адресованных неопределенному кругу лиц и направленных на привлечение внимания к некоторому объекту, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение в информационном пространстве с целью оказать воздействие на мнения, убеждения и поведение людей [Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации 2023: 13].

Понятие «дискурс пропаганды» не имеет однозначного толкования в современной лингвистической и социологической литературе и получает различные определения в работах разных авторов. Дискурс пропаганды предполагает конструктивное или деструктивное воздействие на массовое сознание [Грачёв 2011: 17–18], вовлечение как можно больше людей в официальную политическую повестку [Шамбаров 2001: 7–28], изменение картины мира адресата [Немец 2010], внедрение политических идей, взглядов, установок, формирование политического поведения [Коростелёва 2022: 2].

На современном этапе дискурс политической пропаганды в связи с развитием средств массовой коммуникации не имеет единого центра распространения и является полисубъектным, а дискурсивный конструкт отличается омниканальностью воздействия [Двойненко 2024: 70]. Новая российская идеология основана на патриотизме, усилении роли православия, традиционных гендерных ролях, военной мощи [Паршин 2014: 16]. Российский дискурс пропаганды характеризуется исследователями как антиглобалистский, с распространенными конструктами защиты традиционных ценностей и укрепления суверенитета [Двойненко 2024: 76].

Задача данной статьи заключается в том, чтобы охарактеризовать стилистическое и семантическое своеобразие дискурса яркого российского пропагандиста Александра Германовича Артамонова, российского политического и военного эксперта, специалиста по армиям НАТО, доктора социальных наук Католического университета Франции, автора нескольких книг. В качестве материала для анализа используются видео выступления А.Г. Артамонова на канале «Книжный день» в социальных сетях RUTUBE, «ВКонтакте», а также в мессенджере Telegram.

Устная речь выступлений Артамонова в интернете отличается широким диапазоном лексико-стилистических средств. Прежде всего производит впечатление обилие и разнообразие книжной лексики различного характера: собственно книжной, официально-деловой, устаревшей, терминологической.

Частотна книжная лексика: *исповедальный* (книж.)¹, *столь* (устар. книж.), *инсинуации* (книж.); *коллизии* (книж.); *некий* (книж.). Например: *И вот ввиду того/ что избрал такой исповедальный жанр/ скажу//; Я напомню/ что в эпоху не столь давнюю//; Просто по той причине/ что мы видим некие коллизии удивительные/ но/ как говорится / никто не вправе поставить все точки над и//; Вот что попытались путём каких-то инсинуаций вроде бы как указать пальчиком как раз на тех/ кто ни в коей мере актором не являлся//.* Из двух возможных синонимов последовательно выбирается книжный: *свободная/вольная беседа; крайне/очень давно; избрал/выбрал (жанр беседы); Слава Господу/Богу.* Например: *С вами просто проводят вольную беседу* (интервью на радио) //; *Я себе/ наверное/ позволю избрать этот жанр//; Он сумел это/ Слава Господу/ отложить// вот//.*

Получают распространение устаревшие слова и обороты речи: *мнить себя* (устар. СОШ); *коль* (устар. СОШ); *рачительные владельцы* (книж., устар.)²; *ничтоже сумняшеся* (устар.)³; *прибыть в наши Палестины* (устар. СЕ). Например: *Мальтийский орден мнил себя только в союзе с Россией//; Коль скоро у нас сегодня жанр беседы//; Стали поступать в отличие от нынешних США и прочих как рачительные владельцы//; Это не закрытая информация/ но широко не известная// Вот я/ ничтоже сумняшеся/ недавно об этом узнал//; С какими письмами от какого Фридриха Второго она прибыла в наши Палестины?*

В большом количестве Артамонов использует официально-деловую лексику: *отнюдь не; ввиду того, что; в лице кого; сугубо; исходя из этого.* Например: *И вот ввиду того/ что избрал такой исповедальный жанр/ скажу//; Индия сама по себе отнюдь не однозначная страна//; И Мальтийский орден требует от России открыть великий приорат ордена// И Россия открывает/ в лице Павла Первого//; мало того/ человек/ всё-таки профессии не военной/ а сугубо гражданской/ медик//; Вот/ исходя из этого скажу/ Пезешкиан/ конечно же/ преследует чисто иранские интересы//.*

Для дискурса характерна многочисленная терминология, которая демонстрирует диапазон фундаментальных знаний Артамонова в различных областях наук. Отмечается военная лексика. Например: *Любая переносная ПЗРК установка типа «Игла»//; Швейцария немножечко поставляла оружие Третьему рейху/ те же самые «Орликоны»/ зенитные пулемёты//; Было*

¹ Стилистические пометы даются по: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. (1999) Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник. Далее (СОШ).

² Ушаков Дмитрий Николаевич. Толковый словарь современного русского языка: св. 110 000 слов. ст. М.: Альта-Пресс, 2005. Далее (СУ).

³ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 томах: около 160 000 слов. М.: АСТ, 2006. Далее (СЕ).

выгодно продать Австралии дизель-электрические подводные лодки новейшего класса//.

Эксперт использует экономические термины. Например: *Первоначально сумма контракта была 55 миллиардов долларов//; В Австралии самые большие залежи урана в мире/ да/ в районе города Перта//.* Математический термин экспонента – показательная функция, которая отражает непрерывный рост с коэффициентом (спец. СОШ) переосмысливается и употребляется в переносном значении *прогрессивное развитие*. Например: *Внимание падает по экспоненте//.*

Отмечается в дискурсе эксперта различная гуманитарная терминология: историческая: *орден, командорство, уния; приорат;* риторическая: *Перипатетики/ школа Платона/ они там/ вот именно/ беседы ставили на первое место//* (ист. филос. СУ); дипломатическая: *В общем это/ конечно/ на правах преамбулы//; преамбула (спец. СОШ: вводная часть международного договора);* философская: *Эта двойственность/ дихотомия/ как говорят по-гречески/ это раздвоение сознания//* (книж. СОШ).

Разнообразие книжных языковых единиц уравновешивается негрубой литературной разговорной лексикой: *дурак, заинтересована как в жизни; выучился на врача; медик; сидели по уши; ни разу не наша; дело ясное, что дело тёмное; ничего ровным счётом* (разг. СОШ). Например: *Когда очень быстро выясняется/ кто дурак/ а кто не очень//; Приходите/ побеседуем/ дело ясное/ что дело тёмное//; Бритии Петролиум в этом заинтересована как в жизни/ они это и делают//; Он выучился на Западе в своё время на врача/ понятно//И что из этого? Да ничего ровным счётом// В конечном счёте весь мир учится у всех//; Так и было в эпоху революции/ там все большевики/ простите/ сидели по уши в Западной Европе во главе с Владимиром Ильичём Лениным//; Индия ни разу не наша//.*

В речи Артамонова нередко осуществляется комбинация стилистических ресурсов: историческая *император, орден, командорство;* устаревшая *сия* (СОШ); книжная *инспирировать* (СОШ); официально-деловая *вступление в должность;* разговорная *ещё чернила не просохли* (в значении очень быстро); просторечная *здравово* (СОШ); окказионализмы *свежеобретённый, штрейхбрейкерство.* Например: *Сию секунду/ как говорится/ ещё чернила не просохли от вступления в должность императора/ а уже сделал//; Мальтийский орден имел своё командорство на Волыни// Вот// свежеобретённое//; Ватикан же поддерживал Польшу/ зздравово инспирировал восстания//; Мальтийский орден занимается штрейхбрейкерством?/ как сейчас бы сказали//.*

Помимо стилистического смешения эксперт умело меняет стилистический регистр дискурса, может использовать довольно грубые

выражения. Например: *Сегодня 10 лет «К-9»/ это федерация/ объединяющая людей/ которые сами себя определяют как боевые мужики/ элиты российской армии/ умеющие делать много для наших оппонентов несимпатичных вещей/ умеющих это делать хорошо//; То поголовье/ которое они нарожали/ меня не впечатляет//.* В первом предложении элиты российской армии намеренно называется с помощью просторечного (СОШ) грубоватого синонима мужики. Во втором примере словом *поголовье* Артамонов обозначает *послевоенное поколение французов*, которых *нарожали* (прост. СОШ) отцы и деды, оправдывающие свою капитуляцию перед фашистской Германией необходимостью сохранения генофонда нации.

В проанализированном материале было обнаружено несколько отступлений от акцентологических норм, которые можно квалифицировать как профессиональные. Например: *Я годами страдал от контузионных болей/ связанных с определённой частью моей боевой биографии / которые неожиданно для меня прекратились на Афоне/ в мой второй заезд на Афон//; Русский собор/ наш монастырь Святого Пантелеимона на Афоне//.*

Таким образом, стилистический анализ устного дискурса А.Г. Артамонова показал, что стилистическая палитра, представленная в его речи, широка и разнообразна, а уровень его речевой культуры действительно высокий.

Помимо стилистических особенностей отмечаются некоторые черты дискурса, которые можно охарактеризовать как языковые приемы пропагандистского воздействия, однако утверждать, являются ли они чертами его языковой личности или используются Артамоновым намеренно, со всей определенностью нельзя.

Во-первых, дискурсу свойственно богатство и частотность включения в речь прецедентных феноменов – высказываний известных исторических деятелей, писателей, политиков, использование которых усиливает аргументацию. Например: *С другой стороны/ Ремарк Эрих Мария говорил/ что возраст ценят только у вин и коньяков//; Наполеон говорил/ деньги нерв войны// жить без денег невозможно//; Помните/ как у Пушкина/ когда же чёрт возьмёт тебя//; Помните/ клятва Гиппократа «Не навредить» вместо того/ чтобы строить/ так сказать/ шашки наголо//.* Артамонов использует также комментарии и цитаты, в том числе, и на иностранных языках, например, на латыни: *To/ что делали много католики по принципу Compelleintrare/ нельзя человека принудить//.* *Compelleintrare* – цитата из Евангелия от Луки. Буквально означает *заставь войти*. В переносном смысле – *обозначение вынужденного согласия*¹.

¹Бабичев Н.Т., Боровской Я.М. Словарь латинских крылатых слов: 2500 ед. 3-е изд. стер. М.: Русский язык. 1988.

Дискурсу Артамонова свойственна доверительность общения, которая создается за счет личной информации о себе: *У меня из ярких таких воспоминаний о недавнем прошлом старшая дочка рассказывала//; Как я вчера в Дипломатической Академии сказал//; Я человек достаточно прямой и в чём-то/ прикидываюсь более мягким/ чем есть// Вот так людей пугаю/ работа у меня такая//; Я очень много часов лекций сидел сам/ естественно/ при четырёх высших образованиях/ это трудно//*. Доверительность и искренность предлагаемой аудитории информации создается за счет высокого уровня языковой рефлексии. Например: *Человеком/ жившим как раз в эпоху активных контактов/ так длинной фразой выражаясь/ так сказать//; Коль скоро у нас сегодня жанр беседы/ я себе/ наверно/ позволю избрать этот жанр//*.

Следующим приемом пропагандистского воздействия является такая особенность организации речи, как диалогичность, прямое обращение к слушателям. Например: *Вы/ скорее/ даже не запомните с первого/ так сказать/ раза/ а со второго/ может быть/ будет неинтересно//; Мальтийский орден мнил себя только в союзе с Россией// Вы скажете/ а с кем он себя мог мнить?*

Традиционно яркий аргументационный посыл имеет фактология: упоминание точных фактов, дат, событий, наименование организаций, фирм, компаний. Например: *Они стали тем самым/ чем сейчас является Monsanto/ Вангвард и прочие BlackRock/ то есть они реально стали владельцами колоссальной земли на Украине//*. Monsanto Company, Black Rock, The Vanguard Group – американские международные инвестиционные компании.

Формирование достоверности, убедительности предлагаемых аудитории тезисов осуществляется за счет детализированной, зачастую неофициальной, информации о политических деятелях. Например: *Ширак – сын белоэмигрантов, Онегина цитировал наизусть, боевой офицер, прошел Алжир, бабник отчаянный, дарил дамам квартиры за ночь любви//*.

Другим фактором достоверности выступает некоторая оппозиционность по отношению к официальным властям в России, несогласие в оценке военной и политической стратегии России, прогнозирование вероятностных опасностей. Например: *Для меня явилось революционным/ честно говоря// Путин я бы сказал странные/ на первый взгляд вещи/ сформулировал в концепции // Впервые в официальных документах Российской Федерации на уровне российского гаранта конституции было высказано что существует понятие Русский дом/ внимание/ не российский// Русский дом и Русский мир//; Мы хранители мира от тех/ кто надвигается на всё человечество и нам дано право судить и решать// Это мышление присуще только русским// Кто-то должен во имя жизни на земле нести смерть//*.

В дискурсе сформирована жесткая политическая позиция. Номинации врагов, сил, противостоящих России, в целом получают наименование *люди/очень известные не с нашей стороны барьера//*. Среди них можно выделить несколько групп: потусторонние силы, олицетворяющие зло: *планетарные монстры; вампиры; беслюди; рептилоиды; реальные страны: Рука Англии, Ватикан, Четвёртый рейх, Евроконструкция; реальные люди: сэры, иезуиты*. Например: *Иезуиты/ пусть они и рептилоиды и стоят/ как говорится/ с другой стороны нашего барьера//; В этом я/ ну наверное/ уже традиционно для российского эксперта/ тем более/ военного эксперта/ вижу руку Англии/ так сказать//; Ватикан же поддерживал Польшу/ здорово инспирировал восстания//; И абсолютно сэры ни в чем себя не ограничивают по методам воздействия//; Третий рейх даже не был прекращен юридически/ поэтому многие европейские журналисты протестные/ называют нынешнюю евроконструкцию Четвертым рейхом//; Мы не должны пропустить свой шанс. Потому что если мы проиграем, то планетарные монстры не остановятся на полути – они пожрут всех. Договориться с вампирами нельзя* [Артамонов 2022].

Идеология России в глобальном мире понимается Артамоновым в контексте традиционных ценностей *Русского мира*. Эксперт осмысляет нашу страну как *народную империю*; русский народ как хранителя мира; борца с дьяволом. Например: *Мы беседовали о том/ что Россия/ это народная империя//; Русский народ/ основополагающий/ стержневой/ который отвечает за геополитический баланс в мире//; Сейчас наступает эра Водолея// Это эра России// Мы много сделали для мира// Мы хранители мира/ хранители этой земли от дьявола//*.

Таким образом, российскому дискурсу пропаганды в интерпретации военного и политического эксперта А.Г. Артамонова свойственны следующие стилистические черты: высокий уровень речевой культуры, стилистическая гармония, владение стилистическими регистрами русского литературного языка, преимущественное использование языковых средств книжных стилей.

Пропагандистскую функцию, на наш взгляд, выполняют как риторические, так и содержательные параметры интернет-дискурса. В качестве организационно-риторических выступают богатство прецедентных феноменов, доверительность, диалогичность общения, высокий уровень речевой рефлексии,держанная оппозиционность. К содержательным относятся высокий уровень профессиональной компетенции, информационная насыщенность, фактологическая точность, агрессивность, жесткость политической позиции.

Реализация эмоционального синтаксиса в современных политических речах

Одним из основных функций языка является выражение эмоций. Возрастающий интерес в последнее время к проблеме вербальных эмотивных средств находит отражение в многочисленных научных исследованиях [см., например, Синеокова 2004; Лаврова 2011; Турбина 2013]. Лингвистика эмоций (эмпириология) активно развивается как отдельное направление синтаксиса, объектом изучения которого являются средства реализации эмоционального значения на разных уровнях языка. Определение закономерностей эмоционального синтаксиса, разработка критериев описания синтаксических средств, несущих экспрессивную информацию; исследование внутритекстовых связей и таких экстралингвистических условий речевой ситуации, как политические интенции говорящего, а также многие другие задачи коммуникативного синтаксиса являются важными для современной лингвистики.

Все разнообразие существующих исследовательских подходов можно поделить на два направления. Первое направление исследователей стремится решить вопросы описания критериев проявлений эмоциональной сферы и выделения тех ее компонентов, которые связаны с речевой деятельностью говорящего. В данном направлении изучается специфика выражения отдельных эмоций или групп эмоций, объединенных по таким объективным количественным и качественным признакам, как интенсивность и длительность протекания [Лисенкова 2007; Синеокова 2004; Лаврова 2011 и др.]. Представители второго направления изучают эмоциональные проявления на разных языковых уровнях. Эмоциональность может быть выражена как на фонетическом и лексическом уровнях, так и синтаксически. Неслучайно при необходимости проиллюстрировать эмоционально-экспрессивную функцию языка традиционно опираются на факты фонетики (особенно интонации) и лексики. Лингвистам хорошо известно, что эмоциональность может быть связана также с конструктивно-синтаксическими характеристиками текста [Труфанова 2003; Шаховский 2008; Курбатова 2002 и др.].

Все сказанное свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения системы синтаксических единиц, реализующихся под влиянием эмоциональных процессов. *Актуальность исследования* способов эмоционального воздействия, используемых в политической коммуникации, обусловлена, прежде всего, активным развитием средств массовой информации и увеличением их роли в жизни и функционировании современного общества. Политическая риторика как коммуникация является неотъемлемым

компонентом устройства государства. Особую значимость и интерес приобретает политическое красноречие в нашей стране, что связано с изменениями в политической жизни мирового устройства.

Целью настоящего исследования является изучение компонентов структурной парадигмы форм эмоционального синтаксиса и коррелирующие с ним семантические связи, влияющие на речевую интенцию политических лидеров.

Поставленная цель обусловила следующие основные задачи работы:

- 1) определить роль эмоционального воздействия в политических выступлениях;
- 2) выделить, описать и классифицировать номинативные единицы, а также разнообразные синтаксические и стилистические приемы, используемые для оказания эмоционального воздействия в политическом выступлении;
- 3) рассмотреть и выявить эффективные средства эмоциональности в политических жанрах.

Материалом исследования послужили выступления, размещенные на официальных сайтах современных политиков. Было проанализировано 50 текстов, произнесенных в 2024 и 2025 гг.

Такой современный материал обеспечил *научную новизну* исследования. Кроме того, политические выступления рассматриваются как синтаксические единства, которые обладают номинативно-предикативной функцией и внутритекстовой связностью. Реализация эмоционального воздействия происходит через такой аспект диктемы, как синтаксическая единица («ядерное предложение») и стилизация. Выявлены и описаны приемы эмоционального синтаксиса в современных речах политических деятелей.

При анализе материала были использованы *следующие методы: метод конкретного наблюдения*, включающий интерпретации и классификации; *метод компонентного анализа*, позволяющий выявить семантико-синтаксические компоненты, репрезентирующие экспрессивные интенции политиков; *коммуникативно-прагматический метод*, с помощью которого были выявлены эффективные/неэффективные приемы синтаксической эмоциональности в политических речах.

Теоретической основой исследования послужили теория парадигматического синтаксиса и теория диктемной структуры текста, выдвинутые профессором М.Я. Блохом, в частности, учение о синтаксической парадигме как ряде языковых элементов, соотнесенных и объединенных на грамматическом уровне по обобщенному (образцовому) варианто-инвариантному принципу, отражающему взаимоотношения синтаксических конструкций [Блох 2006]. Наблюдения над эмоциональной речью на разных уровнях – фонетическом, лексическом, грамматическом – показали, что

средства выражения эмоциональности связаны с различными видами трансформаций [Лаврова 2011]. Поэтому при создании эмоциональной синтаксической микропарадигмы целесообразно соотносить структуру эмоциональной речи с синтаксической единицей – «ядерным предложением».

Поскольку, исходя из цели исследования, собственно лингвистический материал должен анализироваться с учетом влияния эмоционального состояния говорящего на его речевые высказывания, поэтому в качестве единицы анализа рассматривается типичное для нейтральной речи «ядерное предложение», характеризующееся четким набором эмотивных признаков. Под воздействием психологического состояния говорящего признаки «ядерного предложения» трансформируются (деформируются), в результате чего возникает ряд неких вариантов конструкций с новыми признаками. В политических речах трансформация «ядерного предложения» может происходить под воздействием эмоционального состояния оратора и особой коммуникативной ситуации.

В современной лингвистической литературе большое количество работ посвящено проблемам описания повторов, широко используемых как в разговорной речи в целом, так и в ораторской речи, и в такой ее разновидности, как политическая речь, в частности. В существующих классификациях традиционно используются следующие признаки повторов: их дистрибутивные, компонентные, лексико-грамматические характеристики и коммуникативная значимость [Блох 2006; Вансяцкая 2009; Данилевская 1992, 2025 и др.]

В политических речах используются следующие структурно-семантические признаки эмоционального синтаксиса: *эхолалический повтор, повтор подтверждение/отрицание, повтор-подлинный переспрос, ложный повтор, повтор-вокатив, повтор-аффектив, повтор побуждение и фокусирующий повтор*.

Так, например, с точки зрения А.А. Лавровой *повтор-вокатив* представляет собой обращение говорящего к собеседнику с целью привлечения его внимания с помощью обращений и высказываний типа: *Уважаемые друзья, добрый день! Здесь и представители деятелей культуры, и совсем молодые наши специалисты в области распространения информации и создания необходимых, как сейчас модно говорить, контентов* (из речи В.В. Путина 30.04.2025: Список электронных источников).

Повтор-аффектив вызван стремлением говорящего выразить эмоциональную оценку происходящего. Разновидностями повтора-аффектива являются антонимические повторы изолированно употребляемых слов утверждения и отрицания и их эквивалентов: *Сейчас ситуация сложнее, чем тогда (во времена Великой Отечественной войны – ред.) – белое и черное, красное и коричневое... У меня сомнений нет, что у нас рано или поздно*

отношения с Европой восстановятся – это безусловно (из речи В.В. Путина 30.04.2025: Список электронных источников).

Свидетельством того, что данный специфический признак повтора-аффектива сознательно используется оратором-политиком с целью воздействия на эмоциональную сферу аудитории, может служить то, что говорящий не сам воспроизводит структуру высказывания, а вкладывает ее в уста цитируемого им деятеля: *Почему 30 дней важны?* Потому что это может создать постоянную мирную инициативу. И причина, по которой *30 дней важны*, – это останавливает убийства. Это то, что хочет сделать президент (США Дональд. – Прим. ред.) Трамп (из речи Кэллога 30.04.2025: Список электронных источников). Здесь подчеркивается, как Кэллог повторяет мысль американского президента Трампа.

Эхолалический повтор вызван сужением сознания говорящего на эмоционально доминирующем смысловом элементе, заключенном в реплике собеседника, и часто является намеренно осознанным: *Это особый день для всех нас, для нашего народа, практически для каждой российской семьи.* В советское время *про этот праздник* говорили часто словами из песни: *этот праздник со слезами на глазах* (из речи В.В. Путина 30.04.2025: Список электронных источников). Данный повтор с указательным местоимением «этот» в повторяющейся синтаксической конструкции усиливает воздействие на слушателя/зрителя.

«Повтор-подлинный переспрос» [Синеокова 2003: 70] вызван стремлением говорящего уточнить смысл услышанного. Причиной подлинного переспроса в эмоциональной речи является состояние крайнего удивления, вызванного словами собеседника. Повторной реализации могут подвергаться элемент/элементы или вся реплика собеседника в целом. Однако, по всей видимости, единичное использование повтора-подлинного переспроса в принципе возможно. Это может свидетельствовать о том, что оратор находится в состоянии эмоционального напряжения (поисковом состоянии). Косвенным подтверждением этого может являться наличие большого количества других структурных признаков, характерных для поискового состояния в выступлении данного оратора.

Использование ложного повтора связано с нарушениями интеллектуальной деятельности мозга и с возникающими в связи с этим затруднениями в выборе последующих компонентов высказывания. Повторы в данном случае позволяют говорящему собраться с мыслями, частично заполнить паузы хезитации. Ложный повтор характеризуются контактным расположением повторяемых элементов реплики самого говорящего. По компонентному составу такие конструкции могут представлять собой

равнообъемные, суженные /или расширенные повторения исходного высказывания: *Мы, безусловно, – нация победителей, нация в широком смысле этого слова – имею в виду все народы, все этносы бывшего Советского Союза и России*, конечно. Я бы говорил и о поколении победителей, и об интернационале победителей. И сегодня нам этот интернационал нужен (из речи В.В. Путина 01.05.2025: Список электронных источников). Данная конструкция позволяет расширить диапазон смыслового пространства.

Тавтологический повтор представляет собой полный повтор слов и словосочетаний внутри предложения и целых предложений: *Мы с вами уже доказали, что способны решать самые сложные задачи, отвечать на любые, самые сложные вызовы. Мы, например, отразили агрессию международного терроризма, сберегли единство страны, не позволили разорвать её на части в своё время. Мы поддержали наших братьев и сестёр, 29 февраля 2024* (из речи В.В. Путина 29.02.2024: Список электронных источников).

Следует отметить, что в подобных контекстах чаще повторяются целые предложения, автор, акцентирует тем самым главное в высказывании.

Модифицирующий повтор характеризуется заменой смысловых элементов при повторе с помощью словарных или контекстуальных синонимов, презентации и субSTITУции: *Именно так – всем миром – мы не только заставили отступить смертельную угрозу глобальной эпидемии совсем недавно, но и показали, что в нашем обществе преобладают такие ценности, как милосердие, взаимная поддержка, солидарность.*

И сегодня, когда наша Родина отстаивает свой суверенитет и безопасность, защищает жизнь соотечественников на Донбассе и в Новороссии, решающая роль в этой праведной борьбе принадлежит именно нашим гражданам, нашей сплочённости, преданности родной стране, ответственности за её судьбу (из речи В.В. Путина 29.02.2024: Список электронных источников).

Функции модифицирующего повтора – уточнение за счет замены элементов и эмфатизация наиболее важных элементов за счет синонимической замены, градации, что делает речь убеждающей и пафосной.

Тавтологический, расширяющий / сужающий, смешанный повторы могут быть объединены в общую группу фокусирующий повтор, который реализуется в ситуациях, когда говорящий сознательно или неосознанно подвергает повтору элементы, являющиеся для него эмоциональной доминантой. Эмоциональная доминанта, находящаяся в фокусе сознания говорящего, может быть выражена любыми компонентами предложения. В данную группу включены те типы высказываний, которые не могут быть квалифицированы в рамках

семантических функций, присущих другим разновидностям повтора. Это не означает, что группа образована по остаточному принципу: выделение данной группы было продиктовано задачей установления корреляционных связей речевых характеристик с психологическим состоянием говорящего [Синеокова 2003]. В то же время эта группа представляет особый интерес вследствие достаточной разнородности характеризующих ее формальных (дистрибутивных, конструктивных и лексических) признаков, что, собственно, и является ее отличительной чертой.

Повтор-побуждение отражает стремление говорящего к волеизъявлению и реализуется через многократное повторение различного рода побуждений. В качестве повтора-побуждения может выступать повтор любого глагола в повелительной форме: «*Ну, а я по-спортивному говорю: вышел на ковер, борись! И будем бороться!*» – так завершил свое выступление Николай Михайлович (Из речи Н.М. Харитонова 18.01.2024: Список электронных источников).

Повтор-противопоставление состоит из двух синсемантических частей, одна из которых отрицательная, а другая – утвердительная: *Сформулированная Брюсселем концепция так называемого «цветущего сада в окружении диких джунглей», подчеркнула дипломат…*

Знаете, когда у нас все спокойно, размеренно, стабильно, нам скучно. Застой. Хочется движухи. Как только начинается движуха, все свистит у виска: и секунды, и пули. К сожалению, и пули сейчас свистят. Так нам страшно. Ужас, ужас. Ну, ужас. Но не ужас-ужас-ужас. (из речи В.В. Путина 19.12.2024: Список электронных источников).

Функция повтора – эмфатизация одной из частей высказывания (чаще – утвердительной). При этом инициирующая реплика подвергается частичному дублированию с лексико-грамматической модификацией: *Всё измеряется экономикой. Традиционно с экономики начинаем. Несмотря на ваши несколько провокационный вопрос, зайдём на экономику. Все на экономике, это основа основ. На этом и жизненный уровень граждан, на этом стабильность, на этом обороносспособность – всё на экономике* (из речи В.В. Путина 19.12.2024: Список электронных источников).

Таким образом, в результате дифференциации группы «повтор» был получен ряд, включающий следующие структурно-семантические признаки, употребляемые в политических речах современных лидеров: повтор-подтверждение/отрицание, корректирующий повтор, повтор-побуждение, тавтологический, расширяющий, сужающий, смешанный повторы, повтор-противопоставление, ложный повтор. Данные выделенные виды повторов в современных политических текстах позволяют оратору подчеркнуть

логическую связанность предыдущего и последующего высказываний, выделить эмоциональные доминанты высказывания и уточнить фрагмент высказывания или все высказывание в целом.

В ходе исследования повторов были замечены «разрывы» синтаксических конструкций. Разрывы потенциального синтаксического целого представляют собой специфические порождения нейтральной речи, эксплицитность которых определяется не присутствием в них избыточных элементов, а их особым построением. Термин «разрыв потенциального синтаксического целого» вводится специально для описания рассматриваемых форм политической речи [Синеокова 2003] и определенным образом противопоставляется широко принятым в настоящее время терминам «сегментация».

Показателями разрыва предложений в письменном тексте являются знаки препинания. Сигналами пауз различной долготы в письменном тексте служат запятая (при обозначении минимальной паузы), точка с запятой, двоеточие, тире, скобки (для обозначения более длительной паузы), точка, вопросительный и восклицательный знаки (для обозначения максимальной паузы, разделяющей самостоятельные коммуникативные акты) [Александрова 1984; Аникина 2001; Лаврова 2011].

В рамках «разрыва потенциального синтаксического целого» функционируют следующие структурно-семантические признаки: *разрыв-паузатор, разрыв-эмфатизатор, уточняющий разрыв, обрыв потенциального синтаксического целого и обрыв гипотетического синтаксического целого*.

Обрыв гипотетического синтаксического целого (собственно обрыв) возникает в ситуации, когда эмоционально-возбужденное состояние ритора настолько деформируют мыслительную деятельность, что говорящий не в состоянии продолжить высказывание, предложение остается незавершенным в структурном и смысловом планах, и можно лишь догадываться о его содержании: *И конечно, в известной степени сказываются те внешние ограничения, санкции и так далее. Они не имеют ключевого значения, но все-таки так или иначе отражаются, потому что удорожают логистику и так далее* (из речи В.В. Путина 19.12.2024: Список электронных источников).

Разрыв-паузатор является следствием возникновения пауз в речи говорящего: *Понимаете, я же взрослый человек – я в школе учился, в университете, я работал в специальных службах, в разведке работал почти 20 лет, вроде я информированный человек* (из речи В.В. Путина 30.04.2025: Список электронных источников).

Появление таких пауз может быть вызвано разными причинами. *Разрыв «припоминания»* возникает в случае дополняющих или конкретизирующих

фактов / значений, разрывающих фразу/ контекст в целом: *Тогда я позволю себе – просто 30 секунд или одну минуту – маленькую историческую справку дать. Вы не против?* (из речи В.В. Путина 09.02.2024: Список электронных источников).

Разрывы (также часто множественные) в данном случае вызваны тем, что смысловая перспектива высказывания не до конца известна говорящему в момент речи; она достраивается постепенно, по мере появления дополнительных содержательных элементов в его сознании.

Уточняющий разрыв вызван осознанным стремлением говорящего дополнить или конкретизировать реализованную часть высказывания. Уточняющая пауза представляет собой намеренный разрыв усложненных конструкций. Так, разрыву могут подвергаться части сложносочиненного предложения/ фрагментов текста: *Я сейчас скажу, что было дальше, и назову даты, чтобы не было путаницы.*

И в 1654 году, чуть раньше даже, – люди, которые контролировали власть в этой части русских земель, обращались в Варшаву, повторяю, с требованием, чтобы к ним присыпали людей русского происхождения и православного вероисповедания. А когда Варшава им в принципе ничего не ответила и практически как бы отвергла эти требования, они начали обращаться в Москву, чтобы Москва их забрала к себе (из речи В.В. Путина 09.02.2024: Список электронных источников).

Чтобы Вы не думали, что я что-то придумал, я Вам отдам вот эти документы... (из речи В.В. Путина 09.02.202: Список электронных источников).

Не следует разрыв путать с обрывом. *Обрыв синтаксического целого* возникает в тех случаях, когда говорящий намеренно не завершает высказывание. В речи говорящий намеренно обрывается высказывание, или выражая оценку вызвавшего эмоциональную реакцию явления, или не произнося неприятную с его точки зрения информацию: *Послушайте, я задал вопрос: возможно это или нет? И получил ответ: нет. Если я был неискренним в своём желании выяснить позицию руководства...* (из речи В.В. Путина 09.02.2024: Список электронных источников).

Таким образом, в результате исследования *разрывов синтаксического целого* были получены следующие структурно-семантические признаки, функционирующие в политической речи: разрыв-паузатор, уточняющий разрыв и обрыв потенциального синтаксического целого. Представленные данные виды разрывов являются показателями эмоционального компонента в политической речи ораторов, что свидетельствует о том, что политики контролируют эмоции и обрывают/ разрывают данную фазу смыслового

содержания. Частотность данных признаков, определяющих степень присутствия эмоциональной составляющей, зависит, по-видимому, от ряда экстралингвистических факторов.

Наряду с повторами и разными видами разрывов были выделены в особую группу *расшифровывающие конструкции*. Присутствие расшифровывающих конструкций проявляется в избыточных элементах и в коммуникативно избыточном построении. Избыточные элементы представлены словами и группами слов, являющимися экспликативно выраженным средством уточнения значения одного из компонентов предшествующего предложения или всего предложения в целом [Скребнев, 1985; Синеокова, 2003].

В отличие от построений, возникших в результате разрыва синтаксического целого, расшифровывающие конструкции часто требует либо введения новых элементов, либо опущения, помимо коррелята, дополнительных элементов, либо тех и других преобразований. В связи с преобразованиями коммуникативная цель говорящего может поменяться.

Трамп: Если бы я не поддерживал отношения с обоими [Путиным и Зеленским], сделки бы не было. Вы хотите, чтобы я говорил ужасные вещи о Путине, а потом сказал: «Привет, Владимир, как продвигается наша сделка?» Так это не работает... Я не в союзе с Путиным. Я не в союзе ни с кем... Я в союзе с Соединенными Штатами Америки. Ради блага всего мира... Я в союзе с миром. И я хочу покончить с этим (из речи Д. Трампа 28.02.202: Список электронных источников).

Таким образом, конструкции с разрывами подобного рода могут рассматриваться как специфическая форма проявления экспликационной смысловой эмоциональной напряженности, доведенной до гиперболизации («Я и Мир»).

Появление расшифровывающих конструкций в не нейтральной речи связано с сужением сознания и вынесением на первое место эмоционально доминирующих смысловых элементов с последующим уточнением их значения: *Так что это не вопрос союза, я... Я в союзе со всем миром. Я хочу уладить это... Я в союзе с Европой, я хочу посмотреть, сможем ли мы это сделать. Вы хотите, чтобы я был жестким? Я могу быть жестче любого человека, которого вы когда-либо видели, я буду таким жестким, но вы никогда не получите сделку таким образом, так что вот так все и происходит* (из речи Д. Трампа 28.02.2025: Список электронных источников). В данной фразе можно видеть повтор эмоционально вынесенных смысловых «узлов» (*я в союзе с миром... я в союзе с Европой*) и разрыв синтаксических конструкций с последующим уточнением и градацией (*я был жестким..., могу быть жестче любого..., я буду таким жестким...*).

В политических диалогах используются следующие структурно-семантические «расшифровывающие конструкции»: *предваряющий ориентир, пролептические конструкции и вопросно-ответная конструкции* [Лаврова 2011].

Предваряющий ориентир начинается с элементарной языковой идентификации образа без уточнения его связей с действительностью. Следующее после него предложение раскрывает его содержание. Первое предложение, таким образом, получает двойственный статус: с одной стороны, будучи синтаксически законченным высказыванием, оно в структурном плане автономно, с другой стороны, в содержательном плане оно неотделимо от смежного. Смысловые элементы, входящие в состав непосредственно предваряющего ориентира, «выступают в качестве темы высказывания. Собственно информация заключена во второй, расшифровывающей, части конструкции, которая может подвергаться дальнейшему тема-рематическому разбиению, или выводу» [Скребнев 1985: 146–147; Синеокова 2003: 106]: *Мы, безусловно, – нация победителей, нация в широком смысле этого слова – имею в виду все народы, все этносы бывшего Советского Союза и России, конечно, я бы говорил и о поколении победителей, и об интернационале победителей. И сегодня нам этот интернационал нужен* (из речи В.В. Путина 01.05.2025: Список электронных источников).

В данном примере мы наблюдаем расширяющую конструкцию с ориентиром в начале предложения на «объединение наций». Так, в качестве предваряющего ориентира выступает простое предложение с разрывом между подлежащим и сказуемым, которое в дальнейшем становится распространенным предложением и переходит в градацию. Здесь показано поэтапное отражение эмоционального переживания оратора: от «Мы – нация победителей» до «интернациональных победителей».

Разновидностью конструкций с предваряющим ориентиром являются *пролептические конструкции*. В качестве смысловых коррелятов в пролептических конструкциях также выступают существительные и с ними местоимения. Коммуникативное членение пролептических конструкций идентично коммуникативному членению конструкций с предваряющим ориентиром. Первый компонент – существительное/местоимение – является темой высказывания, после которой реализуется его основная информативная часть, в свою очередь, разбивающаяся на тема-рематические элементы. Тема в таких построениях выражена дважды соответствующими смысловыми коррелятами. На письме может обособляться с помощью финальных знаков препинания, тире, запятой, а также не обособляться [Скребнев 1985]. Например: *Мы неизменно и в 90-е годы, и позднее указывали на ошибочность*

*курса, избранного элитами Запада, не просто критиковали и предупреждали, а предлагали варианты, конструктивные решения, подчёркивали важность выработки устраивавшего **всех** – я хочу это подчеркнуть, именно **всех** – механизма европейской и мировой безопасности. Простое перечисление инициатив, которые Россия выдвигала за эти годы, займет не один абзац....* (из речи В.В. Путина 14.06.2024: Список электронных источников).

Вопросно-ответная конструкция представляет собой монологическое высказывание, в котором говорящий задает вопрос и сам дает на него ответ. Целью такого высказывания является подчеркнутое выделение темы путем превращения ее в самостоятельное предложение (которое также может состоять из темы и ремы). Говорящий не ищет смысловых элементов, они известны ему до начала коммуникации. Выделение темы в рамках вопросительного предложения вызвано стремлением говорящего к эмоциональному усилинию сказанного [Скребнев 1985; Синеокова 2003]:

Трамп: Ну, а что, если они... Что, если что угодно! Что, если бомба упадет вам на голову прямо сейчас? Хорошо? Что, если они нарушают его? Я не знаю. Они нарушили его с Байденом, потому что Байдена они не уважали, они не уважали Обаму. Меня они уважают. Позвольте мне сказать вам, Путин прошел через многое со мной. Он прошел через фальшивую охоту на ведьм, где они использовали его и Россию – Россию, Россию, Россию, вы когда-нибудь слышали об этой сделке? Это было фальшивое... это было фальшивое мошенничество Хантера Байдена, Джо Байдена, Хиллари Клинтон, хитрого Адама Шиффа, это было мошенничество демократов. И ему пришлось пройти через это. И он прошел через это, и мы не оказались в состоянии войны (из речи Д. Трампа 28.02.2025: Список электронных источников). Инициирующая часть данного вопросно-ответного единства представлена общими вопросами, на которые Трамп в диалоге с Зеленским ему отвечает конкретно, четко и эмоционально.

Таким образом, рассмотренные расшифровывающие конструкции демонстрируют расширение/ или сужение темы с определенным ориентиром на смысловом доминанте. Такой синтаксический прием запускает когнитивный поисковый навигатор экспликации содержательного компонента в условиях напряженного эмоционального состояния.

Особую роль в политических речах играет синтаксическая фигура – *инверсия*. Специфика синтаксических конструкций-инверсий определяется их особым построением в изменении следования элементов в пределах данного коммуникативного типа предложения [Синеокова 2003; Сиротинина 2003; Берендеев 2017; Хмельцов 2017 и др.]. В политических речах используются следующие структурно-семантические признаки синтаксической инверсии:

квалифицирующая и корректирующая инверсия. Квалифицирующая инверсия представлена стереотипными конструкциями, выражающими эмоциональное отношение говорящего к собеседнику, самому себе или предмету речи, построенными по схеме: предикатив + подлежащее, а также субстантивные конструкции: *Итак, смотрите, в течение четырех лет в Соединенных Штатах Америки у нас был президент, который выступал на пресс-конференциях и говорил жестко о Владимире Путине, а затем Путин вторгся в Украину и разрушил значительную часть страны. Путь к миру и путь к процветанию – это, возможно, дипломатия. Мы попробовали путь Джо Байдена, стуча себя в грудь и делая вид, что слова президента Соединенных Штатов значат больше, чем действия президента Соединенных Штатов. Что делает Америку великой страной, так это то, что Америка занимается дипломатией.* Это то, что делает президент Трамп (из речи Вэнса 28.02.2025: Список электронных источников).

Данные конструкции манифестируют одновременное проявление двух тенденций в реализации значения: экспликативной и импликативной. Стремление воздействовать на собеседника ведут к элиминированию смыслов и рематизации структуры в целом. Усиление воздействия на собеседника достигается также выделением эмоционально доминирующего элемента во фразовой позиции.

Корректирующая инверсия связана со стремлением говорящего лексически и грамматически оформить высказывание согласно целям коммуникации. Возникновение корректирующей инверсии в речи связано с тем, что говорящий стремится преодолеть деформирующее воздействие эмоций на мыслительные процессы. Примерами корректирующей инверсии являются вопросительные реплики в переспросе:

Первый пример:

Зеленский: *Могу я вас спросить?*

Вэнс: *Конечно.*

Зеленский: *Да?*

Вэнс: *Да.* (из речи Вэнса 28.02.2025: Список электронных источников).

Второй пример:

В. Путин: *Это, наверное, один из рекордов тоже?*

Р. Кадыров: *Можно сказать.*

В. Путин: *В прошлом году тоже были хорошие [показатели].*

Р. Кадыров: *Было первое место, сегодня тоже* (из речи Р. Кадырова 07.05.2025: Список электронных источников). Возникновение корректирующей инверсии в диалоге объясняется тем, что, как правило, предложения имеют сложную подтекстовую структуру: у говорящего возникает потребность

уточнить какой-то фрагмент высказывания уже после его произнесения. Данные построения возникают в результате того, что говорящему не известна до конца перспектива высказывания, предложение строится по мере произнесения.

Предложения с инверсией обстоятельств также связаны с позиционными и семантическими особенностями главных членов: в предложениях с прямым порядком подлежащего и сказуемого семантически более важный элемент – сказуемое, второй по важности – обстоятельство, начинающее предложение, а подлежащее остается в «тени»; в предложениях с обратным порядком подлежащего и сказуемого именно подлежащее является наиболее значимым смысловым элементом, а содержание стоящего в начале предложения *обстоятельства и следующего* за ним сказуемого как бы подготавливает появление основного элемента в виде подлежащего [Буренина 1989; Берендеев 2017]. Например:

Отмечу присутствующих здесь коллег из Администрации Президента, Правительства, Федерального Собрания, органов исполнительной власти. Мы, руководствуясь содержащимися в ней стратегическими установками, активно работаем в целях укрепления наших позиций на международной арене, обеспечения безопасности и максимально благоприятных внешних условий для развития (из речи С.В. Лаврова 14.06.2024: Список электронных источников). Так, можно заметить, как обстоятельство «подготавливает» в инверсионной форме смысловой акцент фразы, усиливая тем самым значение глагола и подлежащего.

Следует остановиться на специфических конструкциях, *тонирующих междометные предложения*. Тонирующие предложения (несобственно-восклицательные предложения) представлены различными коммуникативными и структурными типами предложений, реализуемых с восклицательной интонацией. Нами было отмечено, что в большинстве рассмотренных политических речей не зарегистрированы случаи употребления восклицательных предложений – ни собственно восклицательных, ни тонирующих. Однако трудно представить апеллятивную ораторскую речь, произносимую без высказываний с восклицательной интонацией. По-видимому, отсутствие пунктуационного маркера восклицательности при письменной фиксации объясняется личными предпочтениями стенографистов: *«Сегодня, в День Победы, мы осознаём это ещё более остро и отчётливо. И неизменно равняемся на поколение победителей. Отважное, благородное, мудрое. На его умение беречь дружбу и стойко переносить невзгоды. Всегда быть уверенными в себе и в своей стране. Искренне и беззаветно любить Родину... С вами вся Россия... Никогда, никогда не забудем нашу общую борьбу*

и вдохновляющие традиции союзничества... Слава доблестным Вооружённым Силам...» (из речи В.В. Путина 09.05.2024: Список электронных источников).

Несобственно-утвердительные предложения представлены в речах политиков несколькими структурно-семантическими разновидностями. Наиболее распространенной из них является так называемый *риторический вопрос*, лингвистический механизм которого заключается в переосмыслении синтаксического значения вопросительности. В качестве риторического вопроса в тексте может использоваться общий вопрос в отрицательно-вопросительной форме, общий вопрос в утвердительно-вопросительной форме, специальный вопрос и альтернативный вопрос, когда говорящий имплицирует в качестве правильного ответа одну из предложенных им опций: *Что для этого предстоит сделать и на каких принципах? Послушайте, кому эти снаряды будут нужны, когда закончится конфликт на Украине? Как это может обеспечить военную безопасность Европы?* (из речи В.В. Путина 14.06.2024: Список электронных источников).

Еще примеры:

Думаю, что Вы не можете не видеть, что она улучшается всё-таки, правда? Скажите, что это правда (из речи В.В. Путина 19.12.2024: Список электронных источников).

Да вообще, когда, как не сейчас, за две недели до Нового года, подводить итоги года? (из речи Е. Березовской 19.12.2024: Список электронных источников).

В ходе исследования был выявлен эллипсис, или отсутствие в высказывании ожидаемых с точки зрения нейтральной области языка элементов, известной особенностью синтаксиса разговорной речи в целом. Эллипсис заключается в «переводе в импликацию структурно необходимого элемента конструкции» [Плахотная 2012: 90]. Изучению данного явления посвящено большое количество специальных исследований [Чудинов 2012; Порческу, Рублёва 2019]. При этом, однако, структурная неполнота подобных «импликационных конструкций» явственно обнаруживается на фоне логически полных предложений, содержащих оба главных члена и свойственные данному языку строевые элементы» [там же: 188].

К данной разновидности конструкций относятся предложения *эмфатизаторы*, представляющие собой построения, в которых отсутствие главных членов или строевых элементов служит дополнительному усилинию рематической части высказывания: *Во-первых, один из таких серьезных показателей для всех стран мира, для всех экономик – это уровень безработицы. Она у нас находится на рекордно низком уровне – 2,3 процента*» (из речи В.В. Путина 19.12.2024: Список электронных источников); *Вы знаете,*

суворенитет – важная вещь, он внутри, в сердце. Я думаю, что за послевоенные годы у немецкого народа вытравили это чувство – чувство своей родины и суворенитета (из речи В.В. Путина 19.12.2024: Список электронных источников).

В качестве эллиминированных конструкций могут выступать предложения с опущением наречий, частиц и других строевых элементов: *Спасибо, Владимир Владимирович, за оценку. Мы не подведём Вас* (из речи Р. Кадырова 07.05.2025: Список электронных источников).

Трамп: Вы этого не знаете. Вы не знаете... (чего?) Не говорите нам, что мы будем чувствовать. Мы пытаемся решить проблему. Не говорите нам, что мы будем чувствовать.

(Зеленский и Трамп начинают говорить практически одновременно и перебивать друг друга.)

Зеленский: Я вам не говорю, я отвечаю (на) вопрос... (из речи В. Зеленского 28.02.2025: Список электронных источников).

В приведенных примерах мы видим, как эмоциональный компонент значения в данных эллиптических конструкциях преобладает над их предметно-логическим содержанием.

Так, исходя из целей исследования, к доминантным признакам эмоциональных семантико-синтаксических конструкций можно отнести следующие (см. табл. 4).

Таблица 4

Частотность употребления доминантных признаков эмоциональных семантико-синтаксических конструкции в политических речах современных лидеров

№ п.п.	Признак	Частотность (показатель в %)
1	Повторы	35 %
1.2	Повтор-вокатив	2
1.3	Повтор-аффектив	2
1.4	Эхолалический повтор	2
1.5	Повтор-подлинный переспрос	5
1.6	Ложный повтор	4
1.7	Тавтологический повтор	2
1.8	Модифицирующий повтор	2
1.9	Тавтологический повтор (расширяющий/сужающий)	5
1.10	Повтор- побуждение	3
1.11	Повтор- побуждение	2
1.12	Повтор- противопоставление	2
1.13	Повтор-эмфатизация	3
2	Разрыв	12%
2.1.	Разрыв-паузатор	4

Окончание таблицы 4

№ п.п.	Признак	Частотность (показатель в %)
2.2	Разрыв-припоминание	4
2.3	Уточняющий разрыв	2
2.4	Обрыв	2
3	Расшифровывающие конструкции	25%
3.1	Предваряющий ориентир	10
3.2	Пролептические конструкции	5
3.3	Вопросно-ответные конструкции	10
4	Инверсия	9%
4.1	Квалифицирующая	5
4.2	Корректирующая	4
5	Тонирующие междометные предложения	3%
6	Несобственно-утвердительные предложения	6%
7	Эллипсис / эмфатизаторы	10%

Как видно из табл. 4, самую большую группу эмотивных синтаксических признаков составляют *повторы* (35 %). Это объясняется тем, что политическому оратору важно подчеркнуть логическую связь и сделать смысловой акцент на важной для него лексико-синтаксической единице. Контактоустанавливающие элементы (25 %) помогают говорящему привлечь внимание аудитории на самой значимой информации. Это особенно важно, поскольку выступления носят развернутый (расширяющий)/ или сужающий характер, что требует особой концентрации внимания. Данные признаки «предваряющего ориентира» позволяют усилить впечатление и достичь поставленной цели. Междометия и тонирующие предложения (3 %) рассматриваются нами как сознательно эмоционально воздействующие конструкции на аудиторию. Отсутствие эмоционально графических обозначений в синтаксических конструкциях (6 %) фиксируется нами, как особая запись стенографиста. Квалифицирующая инверсия и эллиптические предложения (16 %) рассматриваются нами в политических речах как выражение эмоционального отношения говорящего к происходящему событию.

Механизмы возникновения специфических признаков эмоционального синтаксиса в политических текстах различны. Так, повторы являются приемами эмфатизации наиболее важных с точки зрения говорящего информации за счет дублирования элементов высказывания с лексико-грамматической модификацией. Возникновение пауз заменителей (12 %) в политических речах обусловлено, вероятно, поисковым состоянием оратора в данную минуту высказывания.

На данном этапе исследования представляется возможным предположить, что данные синтаксические средства отражают особое пороговое психологическое состояние оратора (от неподготовленности / до намеренной акцентуализации) в момент развертывания и оформления мысли в сложную синтаксическую конструкцию. На данном этапе вопрос о статусе данных конструкций остается открытым.

Таким образом, синтаксические конструкции, используемые при апеллятивной форме речи политика, характеризуют его влияние на оппонента/или аудиторию. Высокая частота употребления стилистической фигуры – инверсии может быть объяснена тем, что она позволяет на первое место выносить наиболее важные для оратора «смысловые узлы» высказывания. А высокие показатели использования разрыва/ обрыва могут быть обоснованы необходимостью сегментации сложных синтаксических конструкций, реализуемых говорящим для облегчения продуцирования текста и восприятия его слушателями. Уточняющие и контактоставливающие избыточные элементы, и смешанный повтор позволяют оратору подчеркнуть логическую последовательность и цельность сверхфразового единства, выделить эмоциональные доминантные единицы высказывания и уточнить текстовые фрагменты, значимые для коммуникации.

Анализ статистических особенностей семантико-синтаксических конструкций, входящих в выделенные нами группы, а также рассмотрение их с точки зрения доминантности/недоминантности относительно типа психологического состояния оратора позволили идентифицировать указанные синтаксические формы политической речи как компоненты, составляющие эмоциональный фон содержания политического дискурса.

РУССКОЕ СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Языковые идеологические сигналы в англоязычных медиатекстах

Как известно, медиатексты обладают рядом отличительных признаков от текстов другой стилевой принадлежности не только благодаря специфике взаимосвязи экстралингвистических, лингвистических и когнитивно-прагматических факторов, но и из-за идеологической составляющей, в том числе направленности самого издания-продуцента медийных текстов. Для выявления вербальных сигналов идеологического характера в современных англоязычных медиатекстах будем учитывать основополагающие дифференциальные признаки медиатекстов вообще, их стилевую доминанту и две базовые функции, которые закладывают фундамент лингвистическим факторам в форме эксплицитных идеологически окрашенных сигналов. Одним из наиболее выделяющихся дифференциальных признаков медиатекстов, является *вторичность*, и именно она предопределяет инкорпорирование журналистом в создаваемый текст высказываний из других текстов (интертекстов), т.е. вторичной, переработанной, прошедшей через «посредника» информации [Луканина 2003: 124]. Подобная переработанная информация, заимствованная из первоисточников, как правило, *подается в определенном ракурсе* в рамках той позиции, которой придерживается адресант / издание / редакция, поэтому тексты в СМИ «сообщают одни и те же содержания в разных комбинациях и модальностях» [Волков 2008: 130] под воздействием *стилевой доминанты идеологической модальности* – способа интерпретации информации, отражающего ту или иную систему ценностей и ориентиров как эксплицитно, так и имплицитно на уровне отбора фактов и определения новостной ценности события [Добросклонская 2005: 59]. Переработанная идеологически маркированная информация может подаваться в новом сообщении после типовых способов преобразования текста, включающих сегментированную цитацию, интерпретацию или комментарий события, введение эмотивно-оценочной лексики [Беляевская 2015: 8–10] и др.

Не менее важными, тесно связанными с предыдущим упомянутым, категориальными признаками медиатекстов являются *фактологическая основа* и *доказательность*, поскольку одной из главных целей медиатекста является передача сведений, сообщения о фактах, а значит в идеале медиаинформация должна быть объективной и достоверной. Однако освещение событий в медиаполе зачастую специфично, что детерминировано основными *функциями*

медиатекстов, одной из которых наряду с *информационной* является *воздействующая*, что манифестируется в «дискурсивной репрезентации действительности по типу «отражение» vs «конструирование» [Федосеева 2016: 73–88]. В отличие от достоверного и объективного факта, медиафактом может стать сообщение этими качествами не обладающее, т.е. «сообщение о каком-либо событии, специально отобранном медиатором из потока происходящих событий и представленном как резонансное, общественно значимое» [там же: 73]. Идеологические взгляды периодического издания могут диктовать как отбор тем для освещения и признания общественно значимыми, так и выбор вербальных средств кодирования для осуществления воздействующей функции и конструирования медиареальности. Несомненно, соотношение медиатекстов с действительностью имеет противоречивый характер: с одной стороны, журналист моделирует картину событий и создает медиареальность, поскольку «медиадискурс представляет собой когнитивное отражение реальности с учетом национальной идентичности» [Менджерицкая, Ксензенко, Скаунова 2020: 28]; с другой стороны, грамотная интерпретация происходящего журналистами не отменяет надежности оперативного знания о происходящих событиях действительности. В любом случае такие признаки медиатекста, как вторичность, фактологическая основа и доказательность, коррелируют с возможностью управления информацией, включая ее идеологическую составляющую.

На примере статей из британского периодического издания *The Guardian* рассмотрим, как журналисты-авторы статей используют конструкции авторизации и деавторизации для критики или даже дискредитации, к примеру, политического деятеля, т.е. осуществления коммуникативных действий, направленных на подрыв авторитета, имиджа и доверия к политику, умаление его достоинства и авторитета. Эксплицитные текстовые сигналы таких коммуникативных действий включают конструкции авторизации и деавторизации, а также оценочные единицы разных уровней. Помимо выполнения функции критики или дискредитации идеологических оппонентов, интертексты, маркируемые ссылочными конструкциями, могут выполнять функцию «метасобытийности, которая реализуется тогда, когда сам текст «источника» становится коммуникативным событием, например, высказывания политических деятелей, приобретающие общественный, внутригосударственный или международный резонанс» [Современный медиатекст 2011: 31–32]. Так, например, в отношении Дональда Трампа, его сторонников-республиканцев и Илона Маска в опубликованных статьях содержатся обвинения о распространении слухов, т.е. газета назначает виновника порождения или распространения слухов, а на этом фоне

намерением издания является их опровержение, что реализуется посредством квалификации слухов как ложных в результате использования вместе с маркерами слухов таких оценочных единиц, как *baseless* ‘беспочвенный’, *false* ‘ложный’, *unfounded* ‘необоснованный’, *misleading* ‘вводящий в заблуждение’, *without evidence* ‘без доказательств’:

Republicans spread baseless slurs about ‘cat-eating migrants’ in Ohio city

‘Республиканцы распространяют беспочвенную клевету о «мигрантах, поедающих кошек» в Огайо-Сити’ (The Guardian, 09.09.2024);

A bomb threat in Springfield, Ohio, came after Trump repeated baseless rumors about immigrants “eating pets” ‘Угроза взрыва в Спрингфилде, штат Огайо, появилась после того, как Трамп повторил беспочвенный слух о том, что иммигранты «едят домашних животных’ (The Guardian, 13.09.2024);

Donald Trump and top allies such as the multibillionaire Elon Musk have created a blizzard of false voting misinformation portraying Democrats as bent on stealing the election, undermining trust in the voting process and leading to potential violence ‘Дональд Трамп и его главные союзники, такие как мультимиллиардер Илон Маск, создали поток дезинформации о голосовании и указали на намерение демократов украсть выборы, подорвать доверие к процессу голосования и привести к потенциальному насилию’ (The Guardian, 05.11.2024).

Конструкции авторизации в англоязычных газетных текстах могут маркировать и внедрение теорий заговора, порождение которых может приписываться конкретному лицу:

In an interview with former Fox News host Tucker Carlson last year, Vlaardingerbroek pushed a popular conspiracy theory by claiming that groups like the World Economic Forum are trying to make Dutch people eat bugs by cracking down on farms and opening insect factories. The YouTube clip – titled “Politicians know when they control the food, they control the people: Activist” – has been viewed more than half a million times. “We don’t want to be eating insects, we want our steak,” she said ‘В интервью бывшему ведущему Fox News Такеру Карлсону в прошлом году Е. Влардингербрек выдвинула популярную теорию заговора, заявив, что такие группы, как Всемирный экономический форум, пытаются заставить голландцев есть насекомых, подавляя фермы и открывая фабрики по производству насекомых. Клип на YouTube под названием «Политики знают, что, когда они контролируют еду, они контролируют людей: активист» был просмотрен более полумиллиона раз. «Мы не хотим есть насекомых, мы хотим наш стейк», – сказала она’ (The Guardian, 15.01.2024).

Кроме того, при определении способов внедрения чужой речи в собственный текст от дословно воспроизведимых (например, цитат) до относительно свободно воспроизведимых (например, парофразы, пересказа,

сегментированной цитации) фрагментов, журналист осознает разную степень трансформации первоначального высказывания, поскольку при инкорпорировании фрагментов чужой речи, как правило, требуется коммуникативная адаптация текста-донора к тексту-реципиенту, что проявляется в усилиях автора по ассимиляции интертекста в своем новом контексте. Однако эта объективная необходимость адаптации встраиваемых интертекстов может привести к значительному изменению оригинала и «предъявлению недостоверной информации в целях манипулирования вследствие использования квазицитат, т.е. цитат, в которых присутствует доля сказанного, но общий смысл трансформирован интерпретирующими события журналистом», причем трансформация может «варьироваться от несущественных искажений сообщаемой информации до придания ей прямо противоположного смысла» [Маруневич, Исаева, Черкасова 2023: 49–51].

Идеологическая позиция издания может проявляться и на уровне отбора комментариев для подачи сведений в рамках той системы ценностей и взглядов, которых придерживается журналист / издание. Такие комментарии зачастую вовлекают авторитетных референтных субъектов, которые выполняют ряд важных задач одновременно: 1) информирование о некотором положении дел с профессиональной точки зрения, поскольку «констатация точки зрения компетентного источника (более компетентного в контексте повествования, чем журналист) не требует проверки и убеждает адресата в истинности сообщаемой информации» [Кудряшов, Постевая, Тамерьян 2023: 43]; 2) воздействие в результате использования в качестве «целенаправленного инструмента, который является средством формирования мнений читателей» [Hall 2012: 32]. К примеру, в статье The Guardian в качестве авторитетных источников приводятся мнения профессоров: *Satoru Mori, a professor of law at Keio University, said*: «*The Biden administration was very enthusiastic about Japan's help... But what about the Trump administration? They say they want to prioritise China, and leave Europe to Europe. The message I worry that might come out from a very China-focused Trump administration is...*» [‘Сатору Мори, профессор права в Университете Кейо, сказал: «Администрация Байдена с большим энтузиазмом отнеслась к помощи Японии... Но что насчет администрации Трампа? Они говорят, что хотят отдать приоритет Китаю и оставить Европу Европе. Я беспокоюсь, что послание, которое может исходить от администрации Трампа, сосредоточенной на Китае, заключается в следующем...’; *Prof Yuichi Hosoya, also at Keio University, agreed...* ‘Профессор Юити Хосоя, также работающий в Университете Кэйо, согласен...’] (The Guardian, 19.12.2024).

Обобщая вышесказанное, отметим, что лингвистическая сторона идеологической составляющей современного англоязычного медиатекста включает ассортимент языковых средств и стилистических приемов, реализующих коммуникативную интенцию журналиста / издания, среди которых выделяются оценочные единицы, конструкции авторизации и деавторизации, цитация в разных формах (от точного до сегментированного цитирования). Конструкции авторизации и деавторизации в совокупности со встраиваемыми интертекстами могут выполнять функцию метасобытийности, дискредитации или критики оппонента. Коммуникативная адаптация встраиваемых интертекстов к принимающему тексту может привести к значительной трансформации сказанного иными субъектами и предъявлению недостоверной информации в целях манипулирования. Идеологическая позиция издания может проявляться и на уровне отбора комментариев для подачи сведений в рамках собственной системы ценностей зачастую с опорой на авторитетные дискурсивные голоса.

Трансформация в репрезентации ситуации «изменение» в зависимости от разновидности языковой картины мира

Начиная с конца 60-х годов двадцатого столетия, в работах Ю.Д. Апресяна [Апресян 1969, 1995, 1997, 2006] детально развивалась идея языковой картины мира с противопоставлением научного и наивного (обыденного, обиходного, социально-бытового). Научное сознание претендует на объективность в представлении окружающей действительности. При этом научная истина отнюдь не является абсолютной, она открывает лишь часть исследуемого объекта и нуждается в эмпирических доказательствах. Наука охватывает как деятельность по приобретению нового знания, так и результат этой деятельности – сумму полученных к данному моменту научных знаний, которые формируют в совокупности научную картину мира (НКМ). Вслед за О.А. Корниловым под НКМ нами понимается «вся совокупность знаний о мире, выработанная всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества» [Корнилов 2003: 9]. Будучи частью мировой культуры, научное знание становится общественным достоянием благодаря языку науки. Ядро языка любой науки составляет используемая ею терминология, которая, в свою очередь, образует научно-языковую картину мира.

В отличие от научного социально-бытовое сознание представляет неоднородную, сложную, многослойную, противоречивую, стихийно сложившуюся совокупность теоретически необобщенных знаний, суждений, чувств и настроений, порождаемых массовым опытом, влиянием социальной среды, ее обычаями и традициями [Миронов 2002:33]. Обыденное знание является традиционной для человека формой внеученного освоения мира, оно основано на здравом смысле и связано с интуитивными, «обывательскими» (Л.В. Щерба), обиходными, наивными представлениями о явлениях, процессах, фактах действительности, стереотипами, установками, получаемыми в результате непосредственного повседневного опыта людей и доминирующими в социальной общности, которой они принадлежат. В первую очередь, рассматриваемые знания, как правило, сводятся к констатации фактов и их описанию, а основным признаком предмета подчас становится его функция или перцептивные характеристики. Таким образом, обыденные понятия отображают «внешние» признаки объектов и явлений, постигаемые прежде всего через механизмы чувственного восприятия или связанные с жизетиским опытом. При этом важно отметить, что наивные представления не являются примитивными. Они во многих случаях не менее сложны и интересны, чем научные [Апресян 1995: 39].

Итак, совокупность знаний, представлений и ассоциаций, приобретенных

в процессе чувственно-эмпирического познания мира, образует «наивную картину мира» (Ю.Д. Апресян, В.И. Карасик, Г.В. Колшанский, В.А. Маслова, Е.В. Урысон и др.), формой существования которой также является язык.

Признавая доминирующее значение терминосистем в формировании научно-языковой картины мира и нетерминологичных понятийных парадигм в формировании наивно-языковой картины мира, отметим относительно новую тенденцию в современных лингвокогнитивных исследованиях – обращение к изучению синтаксической репрезентации концептов, которая прослеживается в работах научного коллектива лингвистической школы Н.Н. Болдырева.

Проблемы синтаксической репрезентации концептов также активно поднимаются в отечественной (белорусской) синтаксической науке. В работе Б.Ю. Нормана «Когнитивный синтаксис русского языка», посвященной представлению того, как процессы познания связаны с организацией структуры простого предложения, определяется участие разнообразных синтаксических явлений (синтаксических моделей предложения, сочинительной связи, глагольного управления, синтаксических «маргиналов» и т. д.) в формировании языковой картины мира [Норман 2018]. Автор исходит из того, что грамматические единицы и связи, с одной стороны, аккумулируют в себе «когнитивный опыт предшествующих поколений», а с другой – дают возможность носителю языка «упорядочить, привести в систему новую, только что полученную информацию» [Норман 2018: 34].

В преломлении к нашему исследованию это дает основание предположить, что в зависимости от разновидности языковой картины мира (научной или наивной) в синтаксической репрезентации ситуации «изменение» будет наблюдаться трансформация от стремления объективно представить ее в предложении к стремлению отразить на языковом уровне всеобъемлемость и универсальность динамического процесса, т. е. характеристики, свойственные наивному/обыденному представлению об изменении. Выявление заявленной трансформации осуществляется на базе анализа естественнонаучных и художественных текстов.

Так, процессы изменения получают свою репрезентацию в научных текстах посредством практически всей номенклатуры глаголов изменения (например, *(из)менять(ся), становиться, темнеть, светлеть, развивать(ся), совершенствовать(ся), расти, превращать(ся)* и др.). При этом частотность их использования существенно варьирует. Специфические для научных текстов по естествознанию глаголы-предикаты преимущественно относятся к группе параметрических глаголов. Для них характерно инкорпорирование в структуру своей семантики указания на параметр, подвергающийся изменению (например,

гранулировать(ся), увлажнять, ионизировать(ся), сжижать, метаболизировать, окислять(ся) и др.).

Обращаясь к сфере номинации ключевых участников ситуации изменения (субъекта и объекта) в научном тексте, следует отметить, что если субъекты изменения представлены в проанализированном корпусе текстов как антропонимами, так и общенаучными понятиями, а также специфическими для сферы естествознания субъектами, то объекты изменения в целом демонстрируют большую сфокусированность на материальных объектах описываемой в тексте предметной области.

Объективное и дискретизированное отражение окружающей действительности, к которому стремится научное сознание, требует вербализации различных связей, аспектов, этапов становления, развития или изменения изучаемого явления, что достигается посредством 1) языковой репрезентации в поверхностной структуре не только обязательных, но и факультативных составляющих некоего фрагмента реальности (ситуации), 2) актуализации промежуточных стадий, результатов эволюции живых организмов, преобразования одной формы энергии в другую или одного химического соединения в другое, 3) регулярного использования большого разнообразия семантических классов сирконстантов, которые применяются для детализации процесса изменения и уточнения его участников. Отличительной особенностью отражения ситуации изменения в научных текстах является отнесенность объекта и результата изменения к единым денотативным классам.

Вариативность языковой репрезентации ситуации изменения в научных текстах связана и основывается на особенностях концептуализации представлений о динамических процессах в НКМ, выступающей результатом познавательной активности человека. В естественнонаучной картине мира ситуация изменения, в частности качественного, организуется сложным процессом, протекающим в двух разновидностях: 1) как процесс разнообразных параметрических изменений, которым в целом подвержены все природные явления, и 2) как процесс кардинального преобразования живых организмов, форм энергии, химических веществ. Наибольшей частотностью обладают предложения, в которых языковое представление получает ситуация параметрического изменения. Стремление НКМ к достоверному отображению реального мира сопряжено с выбором преобладающей семантико-синтаксической структуры, позволяющей акцентировать внимание на элементе, претерпевающем изменение, поскольку он представляет первостепенную значимость для говорящего. Так, при вербализации ситуации изменения в естественнонаучных текстах наиболее распространенная структура формируется за счет выведения из интенциональной доминанты говорящего

реального исполнителя действия/источника энергии/каузатора и выдвижения на первый план объекта изменения, которые помещается в позицию подлежащего. Объектоцентричность, определяющая специфику языковой репрезентации ситуации изменения в научном тексте, также реализуется при эксплицитной вербализации в предложении исходной формы/состояния объекта изменения.

В свою очередь, в художественных текстах вербализация изменения в целом осуществляется посредством высокочастотных общеупотребительных глаголов широкой семантики. Глаголы, в значении которых уже инкорпорирована информация о результате или параметре изменения, реализуют свою способность образовывать переносные значения, причем перенос чаще всего осуществляется из сферы материального мира (изменение параметров плотности, структуры, цвета и т.п.) в сферу интеллектуального или психоэмоционального. Например, (1) *На душе у Павла Петровича светлело* (В. Кочетов. Молодость с нами). Для художественных текстов в целом не характерно использование предикатов, которые обычно функционируют непосредственно в научно-терминологическом значении.

Проведенный анализ эмпирического материала из художественных текстов показывает, что языковые средства именования участников ситуации качественного изменения практически не имеют ограничений. Многообразие тематических классов и лексико-грамматических разрядов имени, использующихся при номинации составляющих ситуации изменения, позволяет отразить на языковом уровне всеобъемлемость и универсальность процесса изменения в наивном представлении. Отдельно отметим, что в наивноязыковой картине мира способностью осуществлять действие и выступать в качестве субъекта обладает не только человек, но и сказочные, мифические существа, включая сущностей высшего порядка, наделенных суверенной волей (бог, демон, падший ангел и т. п.).

Вариативность языковой репрезентации ситуации изменения в художественных текстах сопряжена и базируется на особенностях восприятия, понимания и организации процессов изменения в наивной картине мира, представляющей собой определенный способ концептуализации действительности. В наивной картине мира ситуация изменения в общем организуется процессом, который может носить самый разнообразный характер: постепенный и прогнозируемый или, наоборот, спонтанный, стихийный и быстропроходящий. Как и в НКМ, здесь он протекает в двух разновидностях. С одной стороны, как процесс разнообразных параметрических изменений, которые во многом связаны с человеком, что соответствует антропоцентричности наивной картины мира в целом; с другой стороны, как процесс полного преобразования любого рода предметов.

Антрапоцентричность наивной картины мира находит свое отражение в более частотной, по сравнению с научными текстами, экспликации в предложении субъекта-деятеля, его внешних и внутренних характеристик. Основу языкового материала, отобранного из художественных произведений, составляют предложения с активным предикатом в интранзитивном варианте, где в первой актантной позиции, логически закрепленной за субъектом, находится денотативный объект изменения, который при этом наделяется внутренними свойствами, присущими, как правило, субъекту и позволяющими ему претерпевать непроизвольное изменение, носящее процессуальный характер.

Таким образом, принципиальное расхождение обоих типов текста по их функции, содержанию, объекту познания, целевому назначению предполагает наличие трансформации/расхождений в способах представления явлений окружающего мира, т. е. выбор и комбинирование языковых средств и речевых структур диктуются типом знания о мире, воплощенного в тексте.

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА

Формирование языковой картины мира учащихся в контексте духовных ценностей

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира. Ханс-Георг Гадамер, выдающийся философ современности говорил: «На языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир» [Гадамер 1988: 565]. Лео Вайсбергер полагал, что в каждом языке представлена особая точка зрения на мир носителя языка [Вайсбергер 2009]. В языке выражается характерный для данного этноса взгляд на мир (модель мира, образ мира), картину мира.

Идея способа восприятия и организации, специфического для каждого языка и культуры восходит к работам В. фон Гумбольдта: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 1984]. Этот «круг», т.е. мир говорящих на одном языке, представляет собой языковую картину мира.

Следует заметить, что за так называемыми «словарными» значениями слов стоит некий глубинный слой не эксплицированной концептуальной информации. Имеется ввиду некоторая совокупность знаний о мире, которая представляет собой обобщенные результаты коллективного опыта общения с миром носителей данного языка, отложившиеся в языковые значения. Все это в терминах современного антропоцентрического подхода в науке о языке принято называть «языковая концептуализация мира».

Концептуализация в «Кратком словаре когнитивных терминов» трактуется как «...один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающей в осмыслиении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузин 1996: 442].

Языковая концептуализация мира – фундамент, первоисточник всех остальных видов концептуализации. Можно сказать, что любой способ концептуализации мира основан на языковой концептуализации. Именно в языке прежде всего откладываются все достижения в сфере духовной деятельности человека и этноса в целом.

Результатом любой концептуализации мира, в том числе и языковой, является концептосфера (термин Д.С. Лихачева). Это ментальный уровень, на котором сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека.

Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов. Наиболее показательными с этой точки зрения оказываются следующие лексические сферы [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]:

1. Слова, соответствующие определенным аспектам универсальных философских концептов: **правда и истина, свобода и воля, добро и благо**.

2. Слова, соответствующие понятиям, существующим и в других культурах, но особенно значимым именно для русской культуры и русского сознания: **судьба, душа, жалость**.

3. Слова, соответствующие уникальным русским понятиям: **тоска** (например, Райнера Мария Рильке пытался выразить смысл, содержащийся в русском слове «тоска»: «Я не могу сказать по-немецки. Я должен писать на том языке, который не имеет этого чувства, но которое главное в моей жизни – тоска. Там разные слова можно найти: боязнь, сердечная боль, все, вплоть до скуки. Однако ни одно не дает смысл именно тоски»), **удаль**.

Концепт – один из самых неоднозначно понимаемых терминов: это и «культурный концепт», и «лингвокультурный концепт», и «национальный концепт», и «базовый концепт», и «национально-маркированный концепт».

Концепт – в центре внимания ученых. Учитывая, что определений концепта сегодня только на постсоветском пространстве более 200, примем его рабочее определение. Полагаем, что смысл в наибольшей мере раскрывает суть термина концепт. Не случайно некоторые исследователи отождествляют эти термины (В.И. Пищальникова). С.М. Фрумкина считает, что интерпретация термина концепт ориентируется на смысл. По мнению В.И. Карасика, концепт является многомерным смысловым образованием. Видимо, такое понимание уже задано С.А. Аскольдовым-Алексеевым: «концепт – это точки сложнейших соцветий мысленных конкретностей, то есть соцветий смыслов» [Аскольдов-Алексеев 1997: 267–279]. По утверждению Ж. Делеза, «человек мыслит концептами». Концепты обладают необходимыми признаками, определяющими ценностно-смысловой потенциал обучения русскому языку.

- ментальная природа;
- воплощение культурного смысла;
- акцентуация ценности;
- духовная аура;
- этноспецифичность/этнокультурная маркированность;
- важное мировоззренческое понятие.

Концепт – своего рода «культурная память слова, выражающая систему духовных ориентиров носителей языка».

В.В. Колесов именует концепт «ключевым словом культуры, выражающим со-значения «национального колорита».

Учитывая опыт оперирования языковыми единицами, отражающими этнокультурные ценности, мы определяем концепт как функционирующую в тексте смыслосодержащую единицу сознания, получившую выражение в языке и обладающую устойчивой сетью ассоциаций и коннотаций, значимых для носителей данной культуры.

Заметим, что концепты – культурно значимые смыслы (вербализированный культурный смысл – В.А. Маслова), выражающие ключевые идеи и представления национальной культуры. Для русского языка, например, это такие концепты, как *соборность, совесть, милосердие, честь, вера, подвиг*. По словам В.В. Колесова, это «опорные точки народного самосознания». Это действительно опорные точки в том смысле, что они связывают воедино язык, культуру и менталитет. Поэтому их можно с тем же успехом назвать и ментальными концептами, и мировоззренческими концептами, и духовными концептами. Иногда их называют аксиологемами, чтобы подчеркнуть ценностный компонент в их семантике.

Рассмотрим ключевой концепт *духовность*, так как в нем отражены ценностные ориентиры и культурные смыслы, значимые для Русского мира. Духовная жизнь включает в себя все грани жизни человека. Многогранность духовности можно представить следующим образом:

- форма самоидентификации;
- менталитет;
- отношение человека к миру, к себе, людям, обществу;
- направления деятельности человека.

Этимология связывает духовность с «Духом», христианством. Действительно, первая интерпретация духовности как социокультурного феномена связана в отечественной традиции с религиозно-христианским началом. Дух есть Бог. Бог внутри нас, он и есть дух. Известна троичность воплощения Бога в Отце, Сыне и святом Духе. Не случайно проблема духовности была близка представителям русской религиозной философии: В. Соловьеву, Н. Бердяеву, И. Ильину. Христианское представление о духовности – это и единение человека и Бога, общение человека с Богом на основе «синергии» духа божьего и духа человеческого.

Вторая интерпретация, по мнению многих исследователей, является, по сути, светской. И здесь можно отметить две версии. Одна из них связывает понимание феномена духовности с проявлением внутренней свободы личности, воплощающей высшие идеалы добра, красоты, истины и веры. Другая версия может быть сведена к внутреннему миру человека, его рефлексии по поводу своих и чужих действий, другими словами – к миру субъективности. Человек осуществляет внутри себя работу духа, мысли, чувств, переживаний: «дух и

только дух есть бытие в себе и для себя» (Гуссерль). Духовность – явление, предполагающее некую внутреннюю энергетику. Она может быть направлена и внутрь человека и вовне.

Интерпретация концепта в словарях.

Слово «духовность» отсутствует в словаре Академии Российской (1790).

В Словаре русского языка XVIII в. оно фиксируется в двух значениях:

- «занятия, сфера деятельности духовенства»;
- «свойства духовного».

В «Словаре церковно-славянского языка» слово «духовность» отсутствует. В Словаре Вл. Даля есть словарная статья, посвященная существительному «дух» и прилагательному «духовный». Акцент в семантике имени делает компонент, сформированный великим лексикографом: «все относящееся к Богу, церкви, вере». В Словаре Ф. Брокгауза и И. Эфрана словарной статьи, посвященной «духовности» так же нет.

В словаре Ушакова «духовность» имеет помету «книжное», «устаревшее» и понимается как отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа.

В словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС) «духовность» трактуется как устаревшее понятие, как духовная, интеллектуальная природа, сущность человека, противополагаемая его физической, телесной сущности. В словарь С.И. Ожегова слово «духовность» не включено.

Если учитывать время составления словарей (1940–1980 гг.), слово «духовность», как свидетельствуют тексты национального корпуса русского языка, употребляется редко. Интересно отметить, что в английской публицистике духовность употребляется как калька – «dukhovnost», что говорит об уникальности и этноспецифике слова, которое относится к лакунарной, безэквивалентной лексике. Наиболее частотным сочетанием в конструкции с прилагательным является духовный – нравственный, с существительным духовность – нравственность.

Интерпретация «духовности» в БАС (в 17 томах) трактуется как «духовная интеллектуальная природа, сущность человека, противополагаемая его физической, телесной сущности; богатство духовного мира человека, высший уровень нравственных, интеллектуальных потребностей, норм». Слово квалифицируется как общеупотребительное и нейтральное.

В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой слово «духовность» понимается как «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными». В словаре под редакцией С.А. Кузнецова духовность определяется как «духовная интеллектуальная

природа, внутренняя нравственная сущность человека (противополагаема его физической, телесной сущности)».

В Толковом словаре современного русского языка под редакцией Г.Н. Скляревской духовность представлена как неоднозначное слово:

- сфера религиозных интересов человека;
- в советское время: внутренний мир человека в противоположность физическому, телесному.

В религиозном понимании духовность – это идеал, святыня. По убеждению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, «Русский мир – это прежде всего общность святынь». С.Л. Франк в работе «Духовные основы общества» пишет, что «общество начинается и поддерживается общими святынями, единым алтарем, общими традициями». Что для нас свято? Что для нас традиция? Это прежде всего передача от поколения к поколению духовного и культурного опыта. Разрыв традиции – всегда трагедия. Так было в XX веке, когда православные традиции пытались отвергнуть.

В концепте «духовность» отражены ценностные ориентиры и духовные смыслы, значимые для русского мира. Человек, его природа – это в первую очередь духовное начало, выражаемое в виде нравственных ценностей. Духовность – это аксиологическая составляющая человека. Не случайно, концептуальное поле «Духовность» представлено совокупностью духовно-нравственных концептов (см. рис. 4):

Рисунок 4. Концептуальное поле «Духовность»

При этом концепт «Духовность» является макроконцептом по отношению к ментальным единицам в его составе.

Базовой категорией русского сознания считается «Соборность».

Концепт соборность включает в себя:

- ключевое слово – репрезентант концепта;
- семантические признаки – община, мир, всемирный собор, ослабленное индивидуальное начало;
- дефиниция – «это органически внутреннее единение людей на основе свободно осознанного качественного отношения («любви») по общности духа»;
- внутренняя форма – идея со-бранности, со-биания, совместности;
- концепт входит в парадигматический ряд: духовность, православие, мир, единая душа, со-весь, со-знание, мы;
- синтагматический ряд – всемирная соборность, соборность русской души;
- словообразовательный ряд собор → соборный → соборность;
- роль в системе ценностей – приоритет коллективных ценностей над индивидуальными, «большинство всегда право»;
- прагматика – ориентация на авторитет в стереотипах поведения (хоровод в народной культуре, крестный ход в литургии и пр.);

Концепты реализуются на разных уровнях общественного сознания: обыденном, художественном, религиозном, научном.

Художественный – в произведениях Л.Н. Толстого, Н. Лескова (например, роевое начало и Платон Каратаев в романе «Война и мир»), религиозный – в православной обрядности (литургия, крестный ход), научный – в осмыслинии этой категории в трудах философов-славянофилов (А.С. Хомяков), «Серебряного века» (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и др.).

Теперь о методах обучения. Один из них – метод концептуального анализа, направленный на выявление культурных смыслов, которые служат посредником между языком и культурой, расширяет знание о мире, работает формула «язык – дом духа».

Концептуальный анализ создает смыслопоисковую образовательную среду, в основе которой – триада: смысл – понимание – интерпретация. Смысл неотделим от культурно-исторической ситуации, от дискурса, в которых совершается его понимание. Например, смысловой объем концепта патриотизм включает различные когнитивные признаки, но наиболее значимые – любовь к своему Отечеству, Родине. В русской языковой картине мира Отечество обладает особым смыслом. Отсюда патриот – сын Отечества (М. Фасмер). Вл. Даль считал, что патриот – любитель Отечества, «отчизнолюб». Отечество входит в арсенал духовного кода культуры. Сакральный смысл прочитывается в стихотворении А.С. Пушкина «19 октября»:

Нам целый мир – чужбина,
Отечество нам Царское село.

С помощью применяемого в обучении концептуального подхода образование переходит в сферу понимания. Эта герменевтическая составляющая задает динамический алгоритм всестороннего анализа концепта как ценностного и духовного феномена.

Представляется, что приобщение учащихся к духовным ценностям происходит через систему культурных концептов. Внедрение концептов в преподавание русского языка предполагает усиление лингвокультурологической направленности, которая изучает определенным образом отобранную и организованную совокупность духовных и культурных ценностей, исследует опыт языковой личности, национальный менталитет, дает системное описание языковой картины мира и обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения. Это направленность на духовно-нравственное и ментальное пространство культуры. Таким образом, концептуальная методика призвана обеспечить «осознание русской языковой картины мира», ее неповторимого духовного потенциала.

Анализ художественного текста на уроках РКИ в аспекте ценностных ориентиров современности (из опыта работы с китайской аудиторией)

Указ Президента РФ «О сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей» (от 09.11.2022) в числе прочих выделяет такие ценности, как: *жизнь, патриотизм, служение отечеству и ответственность за его судьбу, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение*. Издание подобного указа говорит о том, насколько актуальной сегодня является проблема необходимости сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, о том, как опасна их утрата для современной человеческой цивилизации, о том, что каждый должен делать все, от него зависящее, для того чтобы сохранить моральную и нравственную устойчивость современного общества.

Оставляя в стороне подробный анализ каждой из ценностей, отметим, что для современной науки о языке особенно важным, на наш взгляд, является изучение их как особых, основополагающих элементов в фундаменте нравственного развития как отдельного человека, так и цивилизации в целом. От того, какие ценности являются значимыми для отдельного человека и для общества, в котором он живет, зависит будущее этого общества, его прогресс или регресс. Подтверждением сказанному будет мнение Э. Тоффлера: «Какое будущее оно выбирает, будет зависеть, в частности и конечном счете, от ценностей, которые определяют процесс принятия им решений. А это будет зависеть от того, насколько ясно мы поймем и сумеем предсказать изменения в целостной архитектонике ценностей, которые регулируют человеческое поведение» [Цит. по: Каган, 1997, с. 23].

Изучая иностранный язык, человек знакомится не только с лексической и грамматической системой этого языка, но и с менталитетом того народа, который на нем говорит, с его обычаями, традициями, культурой, духовно-нравственными ценностями. И поэтому на плечи преподавателя ложится ответственность за то, каким предстанет образ его народа в глазах иностранного гражданина.

Многолетнее общение с иностранными студентами показало, что они проявляют живой интерес к русской культуре и особенно к литературе, поэтому нами была предпринята попытка использования аутентичных художественных текстов русских классиков на уроках по развитию письменной речи. Классическая русская литература, на наш взгляд, содержит серьезный нравственный потенциал, в ней представлены ценности, которые не утрачивают

своего значения в любое время: доброта, честь, милосердие, любовь к Родине, взаимопомощь, сострадание.

Обучение письменной речи на каждом этапе предполагает достижение определенных целей. Если на начальном этапе необходимо развить технические умения учащихся, такие как написание букв, умение соотносить графический рисунок слова с его значением, то продвинутый этап обучения предполагает достижение совсем иных целей. Здесь на первый план выступает развитие языковых, речевых и коммуникативных умений, то есть умений правильно выбирать грамматические структуры, лексические и словообразовательные средства изучаемого языка, а главное – умение соотносить цели написания с отбором языковых структур, речевых моделей, соответствующих тому или иному стилю и жанру текста.

Являясь образцом русской речи, художественный текст содержит грамматически правильно построенные предложения, изобразительно-выразительные средства языка, которые учащиеся могут использовать при выполнении творческих заданий, например, при написании синквейнов, рассказов, сочинений на заданную или вольную тему. Кроме того, тематика художественного текста, те идеи, ценностные смыслы, которые его автор стремился донести до читателя, могут оставить в душе учащихся глубокий след, разбудить в них желание мыслить, анализировать, соотносить содержание текста с реальной действительностью. Таким образом, художественный текст может помочь учащимся создавать собственные письменные высказывания, чтобы показать свою точку зрения, поделиться информацией с друзьями.

В художественном произведении автор представляет свою концепцию мира, неотъемлемым компонентом которого является ценностная картина мира, то есть ценности, которые пропагандирует автор, предстают как часть объективного мира, «актуализируя связь индивидуально-авторской картины мира со сферой национально значимых и универсальных ценностных смыслов» [Кузнецова 2023: 3958].

В практике работы по обучению китайских студентов продвинутого этапа русскому литературному письму мы использовали тексты стихов М.Ю. Лермонтова: «Выхожу один я на дорогу...», «И скучно и грустно, и некому руку подать...», «Парус», «Утес», «Дума», «Когда волнуется желтеющая нива», «Зови надежду сновиденьем...», «Родина», «Выхожу один я на дорогу...». Анализ данных произведений предшествовал написанию сочинения, посвященного характеристике лирического героя М.Ю. Лермонтова.

Общеизвестно, что методика работы с художественным текстом предполагает наличие предтекстового, притекстового и послетекстового этапов.

Предтекстовая работа активизирует интеллектуальную и познавательную деятельность учащихся. Притекстовая работа связана с непосредственным восприятием текста, преодолением трудностей при понимании значения и смысла языковых единиц, встретившихся в тексте, анализом фрагментов, событий. Послетеекстовая работа включает упражнения продуктивного плана. Наша работа с текстами М.Ю. Лермонтова не была исключением.

Работа над текстами стихотворений началась с рассказа о поэте, его судьбе, краткого знакомства с периодом русской истории, в котором творил М.Ю. Лермонтов.

Студентам было дано задание посмотреть по словарю значение слов *парус*, *мачта*, *туман*, *мятежный*, *голубой*, *одинокий*, *лазурь*, *буря* и сравнить словарные толкования с тем смыслом, который эти слова имеют в тексте. Затем были проанализированы понятия *олицетворение*, *метафора*. Результатом этой работы явилось понимание студентами глубинного смысла стихотворения «Парус», его идейной составляющей. Одиночество в мире людей, стремление к свободе, грусть – вот те смыслы, которые уловили студенты. После этого анализ стихотворения «Утес» не вызвал затруднений у студентов. Они довольно быстро определили тему и идею стихотворения.

Анализ стихотворений «Выхожу один я на дорогу...», «Дума», «И скучно и грустно, и некому руку подать...» вызвал серьезные трудности, связанные не только с особенностями лексики и грамматики данных произведений, но и с особенностями их проблематики и идейной направленности. Понадобился дополнительный комментарий преподавателя, содержащий краткие сведения из истории России.

Самым трудным для анализа оказалось стихотворение «Дума», но оно же явилось мощным стимулом для создания собственных письменных высказываний о судьбах нынешнего молодого поколения во всем мире. Это стало темой для написания студентами эссе, небольших по объему, но очень емких по содержанию. Студенты писали о том, что современное поколение молодых людей больше заботит собственное материальное благосостояние, а не судьба Родины. Таким образом, стало понятно, что такие нравственные ценности, как любовь к Родине, духовное и материальное в жизни человека, стремление быть полезным обществу и грусть от невозможности его реализовать, были восприняты студентами довольно адекватно.

Вот пример сочинения, написанного после анализа стихотворных текстов, который доказывает наше умозаключение: «Лирический герой – это образ поэта в его стихах. Я много читала стихи Лермонтова. Лирический герой Лермонтова – романтик, потому что у него во многих стихах говорится о

мечте, о свободе, о любви к Родине. Например, в стихотворении «Родина» Лермонтов выражает свою любовь к Родине с помощью описания природы.

Лирический герой Лермонтова – пессимист. У него большинство стихов выражает одинокое переживание, например: «Выхожу один я на дорогу...», он один, но он не хотел быть один, а еще «Утес». Лермонтов сравнивает утес с тучкой, чтобы подчеркнуть одиночество утеса. Лермонтов – утес, одинокий. У него разочарование в жизни, в современных людях, сожаление о молодежи.

Лирический герой Лермонтова – человек с нежной, тонкой душой, которая способна чувствовать прекрасное. Например, в стихотворении «Парус» Лермонтов стремится к прекрасной мечте» (автор – Вика, студентка третьего курса Хайнаньского университета в Китае. В сочинении сохранены грамматические конструкции автора, оно незначительно сокращено, исправлена орфография и пунктуация).

Этап посттекстовой работы со стихотворениями М.Ю. Лермонтова помимо написания сочинения-характеристики лирического героя включал еще одно творческое задание – написание синквейна. Приведем примеры данных работ.

1. Одиночество

*Необщительное, замкнутое
Чувствует, живет, усугубляется
Мы – не одни.
Жизнь (Иван. Чэнду)*

2. Родина

*Сильная, великая
Строит, защищает, любит
И я, и ты любим Родину.
Любовь (Лиза, Хайнань)*

В работе со студентами из Китая на уроках РКИ нами был использован также рассказ А.И. Куприна «Чудесный доктор». Этот рассказ был выбран потому, что в нем много добра и света, несмотря на мрачное, трагическое начало. В этом рассказе воплощена неиссякаемая вера русского человека в чудо, в то, что все будет хорошо, что даже в самой катастрофической ситуации должна быть надежда на положительный исход. А еще этот рассказ учит людей добру, милосердию, внимательному отношению к окружающим, деятельному состраданию, заставляет задуматься над тем, что мы оставим на земле после себя. Таким образом, мы представляем иностранным учащимся ценности русского народа, некоторые из которых названы в Указе Президента РФ. Кроме того, в этом рассказе мы знакомим иностранных учащихся с реально

существующим лицом – русским доктором Николаем Ивановичем Пироговым, сделавшим весомый вклад в развитие мировой медицины. Итак, с помощью рассказа А.И. Куприна решаются страноведческие, воспитательные, языковые и речевые задачи, студенты из Китая не только лучше понимают менталитет русского народа, но и знакомятся с его историей. Работа над текстом велась в обычном порядке.

Предтекстовая работа началась с вопроса о том, знают ли учащиеся русского писателя А.И. Куприна и его произведения. Оказалось, что на тот момент это было новое для них имя, хотя многие другие были им хорошо знакомы. Поэтому следующим этапом стало очень краткое знакомство учащихся с биографией писателя, историей создания рассказа «Чудесный доктор», краткой биографией Н.И. Пирогова. Тем студентам, которые захотели более подробно узнать об этих людях, были предложены специально созданные для этой цели тексты.

Далее студентам было предложено по заголовку текста попытаться определить, о чем или о ком будет идти речь в рассказе, какова основная тема текста, порассуждать о том, почему доктор – чудесный, что такое чудо, что сами учащиеся могут назвать чудом, какие проблемы могут быть затронуты автором этого рассказа.

Притекстовая работа велась по отдельным частям текста, на которые, согласно этапам сюжета, он был разбит преподавателем. Всего их получилось восемь. На данном этапе особое внимание уделялось тому, как учащиеся поняли глубинный смысл каждого отрывка. У любого из нас при чтении текста значения языковых единиц трансформируются в определенные представления, связанные с индивидуальным жизненным и читательским опытом. Эти представления и дают возможность осознать то, что хотел донести до читателя автор. Студентам предлагалось описать свои представления, поскольку эта деятельность пробуждает эмоциональные переживания и эстетические эмоции. Студенты писали сочинения-этюды, так как этот вид работы как нельзя лучше помогал справиться с поставленной задачей.

Вот пример сочинения-этюда, написанного студенткой после анализа отрывка, где герой рассказа оказывается один в парке и от отчаяния решается на самоубийство: «*Зима в России суровая. Холодная. Жестокая к бедным людям. И в то же время прекрасная. Красивая. Спокойная. Чистая. Как будто весь мир под снегом. В парке тихо и торжественно. Все в снегу. Глубокая тишина и великое спокойствие. Очень трудно думать о плохом, когда вокруг так красиво. Хочется, чтобы все было хорошо. Хочется уснуть и не думать, что семье плохо. И даже умереть не страшно. Очень красиво вокруг...»* (Настя. Хайнань).

По окончании работы по фрагментам учащимся было дано домашнее задание еще раз прочитать текст целиком и ответить на определенные вопросы. Целью этой деятельности являлось осознание студентами связи между смыслами всех частей текста, что, в свою очередь, помогло формированию как смысла всего текста, так и личностного смысла каждого читателя.

Послетеクстовая работа предполагает разные виды деятельности. Сначала была проведена дискуссия. Студентам было предложено обсуждение следующих вопросов.

- Почему описанные в рассказе события можно назвать чудом?
- Что такое доброта? Сострадание? Милосердие?
- Есть ли в современной жизни место милосердию? Является ли оно ценным для современного человека?
- Как вы понимаете слова *деятельное сострадание*?
- Надо ли следовать совету доктора Пирогова: «Главное – не падайте никогда духом!»?

Кроме того, был проведен ряд письменных работ: составление к тексту небольшого словаря с объяснением новых слов и выражений, встретившихся в рассказе; написание сочинения-характеристики одного из героев рассказа; написание письма любому из героев рассказа; составление синквейна на тему рассказа «Чудесный доктор».

Приведем примеры синквейнов, составленных некоторыми студентами.

1. Жизнь

*Неожиданная, полнокровная
Изменяет, окрывает, улучшает
Дает надежду в тупике.
Чудо (Степан. Чэнду)*

2. Доктор

*Чудесный, добрый
Помогает, изменяет, спасает
Дает возможность нового начала.
Человек (Настенька. Хайнань)*

3. Добро

*Бескорыстное, светлое
Помогает, заботится, воодушевляет
Делает мир лучше и лучше
Любовь (Света. Чэнду)*

4. Чудо

*Невозможное, вечное
Помогает, спасает, выручит
Дает возможность жить.
Сила (Катя. Чэнду)*

5. Свет

*Увлекательный, прекрасный
Указывает, охраняет, воодушевляет
В трудные времена изменяет жизнь к лучшему
Чудо (Вика. Хайнань)*

Таким образом, чтение и анализ аутентичного художественного текста на уроках РКИ – работа сложная, многоступенчатая, рассчитанная не на одно занятие, даже если текст небольшой по объему. Работа с аутентичным художественным текстом не только развивает языковую компетенцию учащихся, но и позволяет им накапливать эстетический опыт восприятия литературных произведений, дает возможность воспитывать читательский интерес к творчеству русских авторов, развивать у студентов способность к полноценному адекватному восприятию произведения, к сопереживанию, эмоциональному отклику. Кроме того, чтение художественных текстов на уроках РКИ помогает создать реальные представления о России, ее культуре, нравственных идеалах и ценностях русских людей, помогает формировать потребность в самостоятельном чтении произведений русских писателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1984. 211 с.
2. Аллатов В.М. О языковой политике // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 7–15.
3. Аникина О.Е. Синтаксическая имплицитность во французском языке в сопоставлении с русским: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 213 с.
4. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: сб. науч. ст. М., 1997. Вып. 35. С. 272–298.
5. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
6. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян [и др.]; отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 33–160.
7. Апресян Ю.Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Т. 28, № 1. С. 11–24.
8. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. д-ра филол. наук В.П. Нерознака. М., 1997. С. 267–279.
9. Базылев В.Н. Актуальность описания русского языка в учебных целях: интегральный подход // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию славистики в Республике Башкортостан / отв. ред. В.Л. Ибрагимова, Л.А. Киселева. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 396–403.
10. Базылев В.Н. Билингвизм в контексте теории языковых союзов и интерлингвистики // Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание: сб. ст. Челябинск: ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского, 2019а. С. 132–137.
11. Базылев В.Н. Занятие как театр и Театр как занятие (на примере авторского учебного комплекса «Театральные чтения») // Русский язык в центре Европы – 21. Научно-методический ежегодник Ассоциации русистов Словакии (Словакия, Братислава). 2021а. С. 66–76.
12. Базылев В.Н. Консолидированный корпус знаний: методика проектирования // Вестник высшей школы. 2021б. № 12. С. 69–76.

13. Базылев В.Н. Консолидированный корпус знаний: методология проектирования // Инновации в образовании. 2021в. № 12. С. 21–34.
14. Базылев В.Н. Неопсихолингвистика, клиповое мышление и навигаторы в курсе РКИ // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Выпуск V: Материалы V междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Коптелова И.Е. М.: Дипломатическая Академия МИД России, 2022. С. 37–379.
15. Базылев В.Н. Новое в российской лингвистике (неопсихолингвистика, миграционная лингвистика, контактная лингвистика, компутационная лингвистика, коннективистика) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 6. С. 73–78.
16. Базылев В.Н. От актуализации описания русского языка к актуализации обучения русскому языку// Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019: сб. трудов Междунар. науч. конф., посвящ. памяти профессора П.А. Леканта / ред. колл.: Н.Б. Самсонов (отв. ред.) и др. М.: МГОУ, 2019б. С. 27–31.
17. Беляевская Е.Г. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3(044). С. 5–13.
18. Берендеев М.В. Семиотические инверсии в формировании политического образа в медиадискурсе (на примере образа России в СМИ Германии) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 94–102.
19. Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука (опыт системно-структурного описания). М.: Флинта: Наука, 2017. 288 с.
20. Блох М.Я., Резникова Н.А. Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестник ТГПУ. Вып. 9 (60). Серия: Гуманитарные науки (Филология), 2006. С. 14–19.
21. Буренина Н.В. Эмоциональные конструкции английской диалогической речи: структурно-семантические и pragmaticальные аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1989. 168 с.
22. Вайсбергер Л. Родной язык и формирование духа. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 229 с.
23. Вансяцкая Е.А. Роль невербальных и вербальных компонентов коммуникации в текстах, отражающих эмоциональные реакции человека, и их соотношение: (На материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2009. 161 с.
24. Виноградов В.В. Великий русский язык. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1945. 171 с.

25. Волков А.А. Филология и риторика массовой информации // Язык средств массовой информации. 2008. С. 118–132.
26. Волошин М.А. Лики творчества. Изд. подгот. В.А. Мануйлов и др.; [Предисл. С. Наровчатова; АН СССР]. Ленинград: Наука: Ленингр. изд-ние, 1989. 848 с.
27. Вятютнев М.Н. Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы). М.: Флинта: Наука, 2014. 144 с.
28. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
29. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. 328 с.
30. Грачев М.Н. Политика: коммуникационное измерение. Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2011. 172 с.
31. Громова Л.Г., Кудрявцева Е.Л. Размышление о терминологии и практике преподавания русского языка в мире: русский как иностранный, как неродной и другой родной // Этнодиалоги. 2013. № 2. С. 27–40
32. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–297.
33. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / под ред. В.С. Жекулина; предисл. Р.Ф. Итса. 3-е изд., стер. Л.: Гидрометеоиздат, 1990. 528 с.
34. Данилевская В.А. Суггестивный потенциал смысловых повторов (на материале медиатекстов политического содержания) // Русский язык. Языки народов России. 2025. №3 (63). С. 1–4.
35. Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. Пермь: Издательство Пермского университета. 1992. 145 с.
36. Двойненко М.О., Беседин М.Д. Образ врага в международном масс-медиийном дискурсе современной пропаганды // Социум и власть. 2024. № 3 (101). С. 66–79.
37. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
38. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 25–39.
39. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира / М.: Яз. славян. культуры, 2005. 540 с.

40. Каган М.С. Философская теория ценности / С.-Петерб. гос. ун-т, Акад. гуманитар. наук. СПб.: Петрополис, 1997. 204 с.
41. Коркина М.И., Шустова С.В. Репрезентация концептов ОТЕЧЕСТВО / FAHERLAND в сознании носителей русского и английского языков // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 57–70.
42. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
43. Коростелева Л.В. Лингвистические средства выражения агрессии в пропагандистском дискурсе (на примере жанра самопрезентации радикальных националистических сообществ) / Л.В. Коростелева, Ю.В. Безбородова // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29FLSK122.pdf> (дата обращения 25.01.2025).
44. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.
45. Кудряшов И.А., Постовая Е.В., Тамерьян Т.Ю. Когнитивно-прагматическое моделирование достоверной информации в репортажном суждении: интродуктивные предикаты, эвиденциальность, эпистемическая модальность: монография. Владикавказ: МАВР, 2023. 190 с.
46. Куек Ф.А. Языковые средства газетного дискурса: лексико-семантический и прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 19 с.
47. Кузнецова А.В. Ценностные смыслы художественного текста в аспекте текстовой модальности (на материале сказки А.И. Куприна «Синяя звезда») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 11. С. 3956–3962.
48. Купина Н.А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 35–40.
49. Курбатова Е.А. Функционально-экспрессивные особенности разделительных вопросов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2002. 147 с.
50. Лаврова А.А. Паузы в политической речи как индикатор эмоционального состояния оратора: на материале американских предвыборных теледебатов / А.А. Лаврова // European Social Science Journal. Европейский журнал социальных наук. Рига: М., 2011. № 6. С. 68–77.
51. Лисенкова О.А. Синтаксическая транспозиция в мужской и женской аффективной речи: (На материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. 140 с.

52. Луканина М.В. Газетный текст через призму теории коммуникации // Вестн. Моск. ун-та: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 123–133.
53. Маруневич О.В., Исаева Т.Е., Черкасова М.Н. [и др.]. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативный, прагматический, лингвокогнитивный и психолого-педагогический аспекты: коллективная монография / Ростов н/Д: РГУПС, 2023. 122 с.
54. Менджерицкая Е.О., Ксензенко О.А., Скакунова В.А. Language and the media: учеб. пособие по языку современных англоязычных СМИ / М.: МАКСПресс, 2020. 240 с.
55. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 349 с.
56. Микогазиева С.М. Употребление стилистических советизмов в публичной речи Г.А. Зюганова // В мире научных открытий. Материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. М., 2014. С. 146–149.
57. Миронов М.Е. Обыденное сознание и современность (философский анализ). М.: Ветеран отчизны [и др.]. 2002. 264 с.
58. Мишланов В.А. Церковнославянский язык // Вестник Пермского научного центра. № 2. Апрель – июнь 2016. С. 4–18.
59. Мягкова Л.Г. «От великих вещей остаются слова языка...» // Библия и национальная культура: межвуз. сб. науч. ст. Пермь: ПГУ, 2005. С. 312–315.
60. Немец Г.Н. Публицистическая личность в структуре пропагандистского дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publitsisticheskaya-lichnost-v-strukture-propagandistskogo-diskursa>. (дата обращения 19.11.2024).
61. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2018. 254 с.
62. Ощепкова М.А. Технологизация социальных процессов в сфере гражданско-патриотического воспитания молодежи и критерии оценки их эффективности // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика, 2017. Вып. 1. С. 298–306.
63. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы» предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО университета. 2014. № 2(35). С. 14–21.
64. Плахотная Ю.И. Особенности употребления лексических единиц в диалогическом политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 32(286). Филология. Искусствоведение. Вып. 71. С. 90–93.

65. Порческу Г.В., Рублёва О.С. Лингвостилистические особенности политических выступлений (на примере публичных выступлений Дональда Трампа) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12, вып. 1. С. 61–63.
66. Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации / под ред. В.А. Ачкасовой, Г.С. Мельник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. 424 с.
67. Прошина З.Г. Концепции глобализации английского языка. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-globalizatsii-angliyskogo-yazyka> (дата обращения 16.01.2025).
68. Пушкин А.С. «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» // Московский телеграф. 1825. Ч. V. № XVII. С. 40–46. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8760> (дата обращения 04.11.2024).
69. Синеокова Т.Н. Интерактивные лингвистические классификации: статистические методы анализа. Н. Новгород, 2009. 162 с.
70. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 383 с.
71. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. 244 с.
72. Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. М.: Высшая школа, 2003. 142 с.
73. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. 210 с.
74. Современный медиатекст: учеб. пособие / Мин-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского; [отв. ред. Н.А. Кузьмина]. Омск: Полиграфический центр «Татьяна», 2011. 413 с.
75. Солганик Г.Я. Современная публицистическая картина мира // Журнал «Грамоты. РУ», 2000. URL: <https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/sovremenennaya-publitsisticheskaya-kartina-mira?ysclid=m0cb1d6zxr192530345>. (дата обращения 10.10.2024).
76. Сычева Е.С. Алпатов В.М. Язык – это важнейшая часть культуры: интервью с Владимиром Михайловичем Алпатовым // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5, № 4(20). С. 214–215.
77. Труфанова И.В. Эмоции и речевые акты // Эмотивный код языка и его реализация: коллективная монография. Волгоград: Перемена, 2003. С. 54–64.

78. *Турбина О.А.* Природа эмотивного синтаксиса и его категорий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2013. С. 4–9.
79. *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 239 с.
80. *Федосеева Е.В.* Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2016. 190 с.
81. *Хмельцов А.И.* Когда «они» говорят о «нас»: политический дискурс-анализ и семиотика внешней политики в междисциплинарной перспективе. 2017. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/h/hmeltssov.shtml (дата обращения 25.01.2025).
82. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.
83. *Шамбаров В.Е.* Эхо балканских выстрелов / В.Е. Шамбаров. М.: Алгоритм, 2001. 586 с.
84. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
85. *Шварценберг Р.Ж.* Политическая социология. М.: Высшая школа, 1992. 180 с.
86. *Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* Политический календарь России: от конструирования смыслового мира до его реконструкции // Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука: Ежегодник 2009. Российская ассоциация политической науки. М., 2010. С. 182–199.
87. *Шор Р.О.* Язык и общество: Исследование по социолингвистике. Критика «наивных представлений» людей о своем языке и языковых предрассудков. М.: Либроком, 2009, 2019.
88. *Щукин А.Н.* Обучение иностранным языкам: теория и практика. М.: ИКАР, 2010. 475 с.
89. *Юсупова К.Т.* Методика преподавания художественного текста на занятиях русского языка как иностранного // Языки. Культуры. Перевод. 2014. № 1. С. 61–69. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_26196045_23234078.pdf (дата обращения 01.02.2025).
90. *Alpatov V.M.* Russian in contemporary world: situation anpercpectives // Cross-Cultural Studies. 2020. Т. 5, № 2. С. 40–45.
91. *Hall S.B.* The Discourse of Protest: Using discourse analysis to identify speech acts in UK broadsheet newspapers: MSc Dissertation at Media@LSE. London, 2012. 55 p.

СЛОВАРИ

1. *Бабичев Н.Т., Боровской Я.М.* Словарь латинских крылатых слов: 2500 ед. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1988.
2. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: около 160 000 слов. М.: АСТ, 2006.
3. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузин Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений; РАН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994. 907 с.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.
6. *Словарь Академии Российской.* Ч. I, от А до Г. Санкт-Петербург, при Императорской академии наук, 1789. URL: <https://orpk.org/books/702>
7. *Словарь русского языка /* под ред. Евгеньевой А.П. (МАС) в 4 т. РАН, Институт лингвистических исследований, 1999.
8. *Толковый словарь русского языка: т. 1–4 /* сост. Г.О. Винокур, проф. Б.А. Ларин, С.И. Ожегов [и др.]; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935–1940. Т. 1: А – Кюрины. Т. 1 [Текст]. 1935. LXXVI, 1562 стб.
9. *Толковый словарь современного русского языка конца XX века: языковые изменения /* Е.Ю. Ваулина и др., РАН, Ин-т лингв. исслед.; СПб: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
10. *Толковый словарь современного русского языка начала XXI века: актуальная лексика.* [авт.-сост.: Г.Н. Скларевская и др.]; под ред. Г.Н. Скларевской. М.: Эксмо, 2008. 1131 с.
11. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка: св. 110 000 слов. ст. М.: Альта-Пресс, 2005.
12. *Щукин А.Н., Азимов Э.Г.* Новый словарь методических терминов и понятий. М.: ИКАР, 2010. 448 с.

Список электронных источников (перечень по главам)

1. Шустова С.В. О роли русского языка в современном мире [С. 13–20].

1) Бакейкин С.Д. Институт языкоznания Российской Академии наук. Заседание дискуссионно-аналитического клуба. 19 декабря 2024 г. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/workshops> (дата обращения 23.01.2025).

2) Исследовательский журнал русского языка и литературы [Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury]. URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/> (дата обращения 23.01.2025).

2. Мишланов В.А. О ценностях языковых и коммуникативных [С. 21–27].

1) Гавашели М. Госдума приняла закон о защите русского языка от заимствований // LENTA.RU 16.02.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/02/16/words> (дата обращения 20.05.2025).

3. Данилевская Н.В. Синтаксические ресурсы языка политики в динамическом аспекте (на материале газетных текстов) [С. 28–36].

1) Александров М. Модели стабильности в Черноморско-Кавказском регионе». Российская газета. 25.03.2006, № 4027. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg-centr/2006/03/25.html?ysclid=mbgevborjk327620794> (дата обращения 03.04.2025).

2) Яковлева Е. Стеклянная революция // Российская газета. 17.08.2006, № 4146. URL: <https://web.archive.org/web/20111020071851/http://rg.ru/2006/08/17/maydan.html> (дата обращения 03.04.2025).

3) Когалов Ю. Мы на грани глобальной войны. Карлсон рассказал о захватывающем интервью с Лавровым // Российская газета. 04.12.2024. URL: <https://rg.ru/2024/12/04/sergej-lavrov-dal-interviu-takeru-karlsonu.html?ysclid=mbgi1mmjw6660499701> (дата обращения 04.04.2025).

4. Милёхина Т.А. Стилистические особенности российского дискурса пропаганды (на материале интернет-выступлений А.Г. Артамонова) [С. 44–50].

1) Артамонов А.Г. Видеовыступления на канале «Книжный день» в социальных сетях RUTUBE. URL: <https://rutube.ru/channel/30889646/?ysclid=miovhkvf4f274290451> (дата обращения 15.03.2025).

2) Артамонов А.Г. Видеовыступления на канале «ВКонтакте». URL: vk.com/video-211000092_456240362 (дата обращения 16.03.2025).

3) Артамонов А.Г. Видеовыступления в мессенджере Telegram. URL: https://t.me/knijnij_den/1176 (дата обращения 15.03.2025).

5. Тихомирова Л.С., Черноусова А.С., Пермякова К.В. Реализация эмоционального синтаксиса в современных политических речах [С. 51–67].

- 1) Путин В.В. Встреча с участниками просветительского марафона «Знание. Первые». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76832> (дата обращения 30.04.2025).
- 2) Кэллог К. Киев и ЕС согласились на 22 условия для урегулирования, заявил Келлог URL: <https://ria.ru/20250430/ssha-2014513193.html> (дата обращения 30.04.2025).
- 3) Путин В.В. Выступление Владимира Путина на «Валдае» в 2025 году: главные заявления речи URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76832> (дата обращения 30.04.2025).
- 4) Путин В.В. Путин: Нам нужен интернационал победителей нужен <https://life.ru/p/1748573> (дата обращения 01.05.2025).
- 5) Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: [transcripts/messages/73585](http://www.kremlin.ru/transcripts/messages/73585) (дата обращения 29.02.2024).
- 6) Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения 29.02.2024).
- 7) Харитонов Н.М. Донесем нашу программу до избирателей! URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/223627.html> (дата обращения 18.01.2024).
- 8) Путин В.В. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на встрече с руководством Министерства иностранных дел России, Москва, 14 июня 2024 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy (дата обращения 20.02.2025).
- 9) Путин В.В. Итоги года с Владимиром Путиным. URL: <https://rg.ru/2024/12/19/itogi-goda-s-vladimirom-putinym-stenogramma-i-video.html> (дата обращения 22.12.2024).
- 10) Путин В.В. Встреча с участниками просветительского марафона «Знание. Первые». URL: <https://tass.ru/obschestvo/23831385> (дата обращения 30.04.2025).
- 11) Путин В.В. Интервью Такеру Карлсону Путина 09.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73411> (дата обращения 03.03.2025).
- 12) Путин В.В. Заседание Совета по науке и образованию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73411> (дата обращения 07.05.2025).
- 13) Трамп Д. Спор Зеленского, Трампа и Вэнса. Текст перепалки в Овальном кабинете. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/03/2025/67c211e49a794743f921b9b3> (дата обращения 22.02.2025).
- 14) Путин В.В. Нация победителей, стержень РФ и роль победы: Главные заявления Путина на марафоне «Знание. Первые». URL:

<https://life.ru/p/1748573?ysclid=mae4b442hm59770592> (дата обращения 02.05.2025).

15) Вэнс Д. Ди. Спор Зеленского, Трампа и Вэнса. Текст перепалки в Овальном кабинете. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/03/2025/67c211e49a794743f921b9b3> (дата обращения 22.02.2025).

16) Кадыров Р. Рабочая встреча с главой Чечни Рамзаном. URL: https://www.1tv.ru/news/2025-05-07/509127-vladimir_putin_provel_vstrechu_s_glavoy_chechenskoy_respubliki_ramzanom_kadyrovym?ysclid=mir5w9hyh4815567407 (дата обращения 30.04.2025).

17) Лавров С.В. Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина на встрече с руководством Министерства иностранных дел России, Москва. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1957107 (дата обращения 25.04.2025).

18) Путин В.В. 9 мая – пронзительный день, он объединяет все поколения. URL: <https://er.ru/activity/news/vladimir-putin-9-maya-pronxitelnyj-den-on-obedinyaet-vse-pokoleniya?ysclid=mir5sybvk0538986859> (дата обращения 10.05.2025).

19) Путин В.В. Итоги года с Владимиром Путиным 19.12.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75909> (дата обращения 04.02.2025).

20) Березовская Е. Итоги года с Владимиром Путиным 19.12.2024. URL: <https://rg.ru/2023/12/14/o-chem-gоворит-президент-vladimir-putin-podvodia-itogi-goda-i-otvechaia-na-voprosy-zhurnalistov-i-zhitelej-strany.html?ysclid=mir5r17aju879717030> (дата обращения 04.02.2025).

21) Зеленский В.А. Спор Зеленского, Трампа и Вэнса. Текст перепалки в Овальном кабинете. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/03/2025/67c211e49a794743f921b9b3> (дата обращения 23.04.2025).

Сведения об авторах

Базылев Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор, руководитель издательского направления ИНОИЦ «Алмавест, первый зам. гл. редактора междунар. науч. журнала «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», г. Москва.

Басовец Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, докторант Минского государственного лингвистического университета.

Данилевская Наталия Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета.

Крижановская Елена Мечиславовна – кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

Лукина Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

Ляшенко Елена Станиславовна – кандидат филологических наук, и. о. зав. кафедрой английского языка Минского государственного лингвистического университета.

Макшанцева Наталия Вениаминовна – доктор педагогических наук Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова.

Милёхина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, профессор Саратовского государственного университета.

Мишланов Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор Пермского государственного национального исследовательского университета.

Пермякова Кристина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Тихомирова Лариса Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

Черноусова Анастасия Степановна – кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

Шустова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор Пермского государственного национального исследовательского университета.

Научное издание

**Базылев Владимир Николаевич, Басовец Ирина Михайловна,
Данилевская Наталия Васильевна, Крижановская Елена Мечиславовна,
Лукина Наталья Владимировна, Ляшенко Елена Станиславовна,
Макшанцева Наталия Вениаминовна, Милёхина Татьяна Алексеевна,
Мишланов Валерий Александрович, Пермякова Кристина Валерьевна,
Тихомирова Лариса Сергеевна, Черноусова Анастасия Степановна,
Шустова Светлана Викторовна**

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Монография

Редактор: *E. B. Шумилова*

Корректор: *B. E. Пирожкова*

Компьютерная верстка: *H. B. Данилевская*

Объем данных 1,97 Мб
Подписано к использованию 16.12.2025

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15